

Александр ВАРГО

ЭЛЕКТРИК

*Он заставит вас
кричать по ночам...*

ЭКСМО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Электрик

«ЭКСМО»

2012

Варго А.

Электрик / А. Варго — «Эксмо», 2012 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-54372-4

Некогда весь город трясся в страхе от жутких деяний маньяка по прозвищу Электрик – все его многочисленные жертвы погибали в муках от удара током. Мало-помалу прошлые кошмары забылись – пойманный злодей давно погиб в тюрьме. Но вот спустя десять лет убийства возобновляются – один в один схожие с теми, что совершал маньяк. В городе появился неизвестный подражатель Электрика? А если нет, то – кто?.. Во всех этих смертях есть какая-то зловещая закономерность. Над ней ломают голову частный детектив Игорь Савельев и опер Константин Пришвин. Открывшаяся истина заставляет сыщиков испытать то, что называют жутким ужасом...

ISBN 978-5-699-54372-4

© Варго А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Варго

Электрик

*Шесть мышат шагают в школу,
Шаловливых и веселых.
На уроках шесть мышат
Шелестят, шумят, шуршат.
Тише, кот сюда спешит!
Шмыг – и в школе ни души.*

Т. Крюкова Логопедические стихи

Пролог

В кабинет вошел Цыганков. Фролов свернул окно «Пасьянса» и с умным видом открыл заранее заготовленный отчет.

– На-ка вот, полюбуйся, – Толик кинул на стол папку, взял графин и налил воды в стакан. – Угадай, кем работало это чудовище.

Саша положил ладонь на папку скоросшивателя и закатил глаза, будто мысленно считывал информацию сквозь лоснящийся картон.

– Не может быть! Нянечкой в яслях. – «Ясновидец» открыл глаза и улыбнулся.

– Сам ты нянечка. Он работал электриком.

– Нетрудно было догадаться, – со знанием дела произнес Сашка Фролов. – Все убийства были связаны с поражением электрическим током...

– Это еще ничего не значит, – твердо сказал Цыганков. – В начале девяностых так же частыми были случаи смерти от поражения электрическим током. Но это совсем не значит, что брянская и ефремовская группировки сплошь состояли из представителей этой профессии.

Саша открыл папку и быстро просмотрел личное дело Мансурова:

«Александр Юрьевич Мансуров родился 21 сентября 1960 года в небольшой деревне Рязанской области. Отец ушел из семьи, когда Саше было всего 3 месяца. После этого мальчик рос с матерью. В 1966 году они с матерью переехали жить из деревни в Рязань. Вскоре с ним происходит несчастный случай – его бьет током, после чего он оказывается в больнице».

– Вот оно что! – Сашка закрыл папку, предварительно заложив между страниц ладонь, и посмотрел на Толика: – Слушай, а тебя в детстве милиционер не бил?

– Не-ет... – протянул Цыганков.

– А что ж ты тогда в милицию пошел?

– Да иди ты! – отмахнулся с улыбкой Толик, поняв, к чему клонит Фролов.

Сашка открыл папку и продолжил читать, но уже вслух:

– В результате травмы у Мансурова возникли осложнения с речью – он путал «ш» и «с», а также ошибался в написании этих букв, из-за чего мать перевела его в логопедический интернат.

Александр посмотрел на Цыганкова.

– Сла Шаса по сошше... – вдруг произнес он.

– Да займись ты делом, – улыбнулся Толик.

– Шлусаюшь! – Саша снова склонился над папкой:

– Несмотря на дефект речи, в интернате он был общительным, нормально учился, играл в баскетбол и в теннис, писал для школьной газеты и был ксилофонистом в оркестре. – Фролов замолчал и вопросительно посмотрел на коллегу.

– Что опять?

- Ксилофон – это из?.. – Сашка поднял вопросительно бровь.
- Конечно, нет! То был миелюфон, а ксилофон... – Толик задумался, взял со стола два карандаша и забарабанил по столу. – Ксилофон – это хрень из дров, по которым лупцует этот самый ксилофонист. – Цыганков стукнул поочередно карандашами о стол, имитируя инструмент.
- Как доходчиво! Прямо определение для статьи в Большой энциклопедический словарь. Толик отбросил карандаши и скрестил руки на груди.
- Тогда не задавай глупых вопросов.
- Хоросо. Итак, после окончания интерната в 1977 году Мансуров отправился в столицу для поступления в Московский государственный технический университет имени Баумана, надеясь стать профессором. У-у-у, – протянул Фролов, – замахнулся Шасок.
- Давай читай.
- Но, потерпев неудачу, возвращается в Рязань и идет учиться в ПТУ на электрика. – Фролов пролистал дело, потом вернулся назад. – Я че-то не пойму, а почему ПТУ-то?
- А что не так? – не понял Цыганков.
- Ну, парень едет поступать в Бауманку с определенным багажом знаний.
- И?
- Шлусай, от человека, который знает, что такое ксилофон, я не ожидал этого «и».
- Хорош херней страдать, говори, раз начал.
- Наш Электрик обладает достаточными знаниями для поступления в любой технологический институт – ну, на худой конец, техникум, – а он идет в ПТУ. Ты не находишь это странным?
- Сашенька, ты, часом, профессией не ошибся?
- Нет, я думаю, он обиделся уже тогда. Крепко обиделся на весь мир.
- Да ну брось ты, психолог хренов! – воскликнул Толик и выхватил папку у Фролова. Пролистнул и, ткнув пальцем в написанное, повернул дело к Сашке: – Вот! Читай здесь.
- ...был ударником коммунистического труда, – прочитал Фролов, посмотрел на Цыганкова и продолжил: – Состоял в добровольной народной дружине, не раз задерживал хулиганов и алкоголиков.
- Хоросий мальчик, – вставил свое слово Анатолий.
- Как отличный работник, вскоре он получил отдельную квартиру в одной из новостроек Рязани, – закончил Фролов. – Это ничего не меняет. Все это могло быть ширмой, за которой он прятал обиду.
- Брось ты эту херь! Не надо выискивать в биографии этих тварей причины. Не надо! Я не знаю, кто там виноват – общество, папа с мамой или подружка, отсосавшая у него на заднем сиденье его «копейки». Да и прямо сказать, мне начхать на причины! Я вижу результат, и я просто обязан засунуть эту тварь на строгач, в одну камеру с еще большей паскудой. И чтоб они жрали друг друга до победного конца. А с твоей философией его признают невменяемым – и на лечение...
- Я не думаю, что на «лечении» ему будет лучше, но...
- Но людей-то, которых он порешил, уже не вернуть. Они замолчали. За окном слышались звуки проезжающих машин.
- А откуда такая полная информация? – Саша поднял листок в клеточку, на котором было написано красивым почерком: «Характеристика на ученика 9 «а» класса...»
- А посмотри на титульный лист.
- Саша перевернул и всмотрелся в тусклые печати. «Совершенно секретно» – говорила одна, «ГОЗ» – значилось на другой.
- Пациент работал и там?
- Да. Лет десять назад.

– Но каким образом? Они же не дают?

– Срок давности, что ли, вышел, может, и мое обаяние помогло, в общем, вот он, – Толик положил ладонь на папку, – результат.

Цыганков посмотрел на наручные часы, и улыбка слетела с его губ.

– Я сейчас, – произнес он и вышел из кабинета.

Саша еще раз пролистнул дело. Остановился на фотографии. Мужчина тридцати лет в темном костюме строго смотрел со снимка. Обычный, такой как все, пионер, комсомолец, спортсмен и, черт бы его побрал, ксилофонист. Работал электриком, у сослуживцев был на хорошем счету...

«Надо же, – подумал Фролов, – в детстве ударило током, а он стал электриком. Меня в десять лет собака укусила, так я до сих пор подпрыгиваю от лая даже с телеэкрана».

На хорошем счету... Что же с ним все-таки случилось? Саша поймал себя на мысли, что пытается докопаться до причин, толкнувших Мансурова на убийство. На тридцать убийств. Последняя несостоявшаяся жертва сбежала, и только благодаря ей им удалось распутать этот моток электропроводов. Фролов улыбнулся придуманной только что метафоре. Нет, все-таки Толик прав. Каждый должен заниматься своим делом. Бухгалтер, милиционер, электрик... Тьфу ты!

– Фролыч, по коням! – в кабинет влетел Цыганков.

– Куда?

– Наш пациент обитает в Подлесном.

– Откуда слив? – спросил Фролов, но, увидев улыбку на лице Анатолия, добавил: – Ах да, обаяние или срок давности!

– Где-то там. Ладно, хватит болтать. Ты на машине?

Сашка достал ключи и бросил Толику.

– У Шасыной масыны хоросые сымны.

– Я бы даже сказал: у Шаньки новенькие шанки, – улыбнулся Цыганков.

* * *

Толик заглушил двигатель и посмотрел на Фролова:

– Кажется, здесь.

– Ну и дыра... – протянул Сашка. – Когда брали Шахматиста, и то обстановочка веселей была.

– Да, навел на нас жути этот Мансуров.

Оба молчали и смотрели на старое двухэтажное здание. Александру даже показалось, что ДК чулочной фабрики излучает зло. От чего ему стало тревожно.

– Я как-то спросил у Шахматиста, – чтобы успокоиться, произнес Фролов, – закончил бы он убивать, если бы все-таки смог извести шестьдесят четыре человека.

– И что он ответил? – поддержал разговор Цыганков.

– «Всегда можно взять еще одну доску и начать новую игру», – сказал он мне.

Снова наступила тишина. Дом черными глазницами окон взирал на пришельцев сквозь безмолвную темноту.

– Не пойму я, зачем им все это? – скорее сам у себя спросил Фролов. – Ведь можно же просто собирать марки, значки, открытки...

– Ты опять? Ну ладно, объясню. Любое увлечение сродни мании, – нравоучительно произнес Цыганков. – Был у нас один Филателист. Так он на марки заманивал двенадцатилетних пацанов.

Фролов понимающе кивнул.

– Суки больные. – Сашка посмотрел на приятеля, будто сомневался, рассказать ему или нет, потом все-таки решился: – Мне вчера сон какой-то странный приснился. Сажу я не то в инвалидном кресле, не то на электрическом стуле.

Саша замолчал в ожидании какого-нибудь острого словца от Цыганкова, но тот только нахмурился и кивнул, мол, рассказывай, я тебя слушаю. От этого Фролову стало как-то жутко. Что-то похожее на плохое предчувствие пробежало по животу, проскользнуло в грудь и мокрыми холодными пальцами сжало сердце.

– Понимаешь, я-то стул электрический только в кино видел, а тут так натурально все, будто я каждый день вокруг этой сидушки пробегаю. Сажу я, значит, а ко мне разные проводки и датчики подходят...

– Так, может, это детектор лжи? – предположил Толик.

Долгожданная реплика приятеля не ослабила хватки шупалец страха и предчувствия (да, все-таки это было оно).

– Нет, я думаю, это был электрический стул или инвалидное кресло, переделанное под него. – Саша посмотрел на напарника, но тот лишь кивнул, соглашаясь. – Я чувствую, что меня бьет током... сильно бьет. Я даже прикусываю язык... я его откусываю... я вижу, как окровавленный кусок падает мне на рубаху и, оставляя след, словно улитка, сползает вниз к ремню. А меня все бьет и бьет. Мои мышцы сковало настолько, что, казалось, они вот-вот лопнут от напряжения. Но ничего этого не происходит. Я не умираю и не просыпаюсь от ужаса и боли. Сколько это происходит, не знаю. Мне кажется, всю ночь. Я просыпаюсь только тогда, когда слышу: «Тисэ, мысы, кот на крысэ...»

– Ты знаешь, когда мы вышли на след Филателиста, мне каждую ночь снились гребаные почтовые марки и голые пацаны. – Цыганков вздохнул: – Вот так-то.

– Да, хрень какая-то. Надо быстренько поймать этого упыря и забыть как страшный сон. – Сашка попытался улыбнуться. Но сердце так и было сжато в тисках предчувствия.

– Может, подкрепление вызовем? – неуверенно спросил Цыганков.

– А как же твое обаяние?

Толик пожал плечами:

– Мало ли что...

Они переглянулись и, будто договорившись, одновременно вышли из машины. Мелкий промерзлый дождик наводил еще большую тоску, чем старый дом в окружении леса. Опера достали пистолеты и крадучись подошли к крыльцу.

– Ты уверен, что он здесь? – шепотом спросил Саша.

– У меня надежный источник, – ответил Цыганков.

Сашка показал жестом, чтобы Толик обошел дом вокруг, а сам взбежал на дряхлое крыльцо. Толкнул входную дверь и осторожно заглянул внутрь. Фролов открыл дверь шире и, выставив перед собой пистолет, вошел в дом. Его встретил огромный холл со множеством дверей. Три комнаты без дверных полотен были совершенно пусты. В первой, справа от входа, Саша увидел в углу старенькую двухконфорочную плиту. Кастрюли почему-то стояли на полу. Фролов подошел и заглянул в них. Пустые, как и весь дом. Саша прошел дальше. Глаза привыкли к темноте, поэтому он без труда видел немногочисленные предметы, за которыми и спрятаться-то нельзя. Когда он включил свет в самой большой комнате, понял, для чего столько кастрюль. Хозяин подставлял их в дождливую погоду под самые проблемные места в холле. Сегодня он где-то задержался, поэтому единственный переполненный таз стоял у окна напротив входа, а на полу разлилась огромная лужа. Саша только теперь заметил, что мало того, что весь промок от дождя, так еще и намочил ноги в этом гостеприимном доме. Это значило, что крыши в здании не было совсем.

– Чисто.

Фролов направил пистолет на вошедшего. Цыганков, не обратив внимания на направленное на него оружие, обошел напарника и направился к противоположной стене. Саша пошел за ним. Там была единственная добротная дверь во всем помещении, и она, к их сожалению, была заперта на замок.

– Закрото, – произнес Саша и увидел, что завитушки на обоях, принятые им за странный рисунок, были не чем иным, как сотнями, тысячами скороговорок, написанных рукой Электрика.

– Ты смотри, сука, логопедические курсы у него тут.

Толик прищурился и прочитал:

– «В саласэ лис смель сумит. Там, швернуvсишь, Шаса шпит». Ну не херь, а? Он что, до сих пор буквы путает?

Фролов пожал плечами.

– «Тисэ, мысы, – начал дрожащим голосом читать он. – Кот на крысэ...»

– Засумите – он услысит!

Милиционеры обернулись. В дверном проеме стоял лысый мужчина. В руках, одетых в резиновые перчатки, он держал бамбуковую палку с гвоздем на одном конце и убегающим в темноту коридора проводом на другом.

– Эй, чувачок, ты что задумал? – крикнул Толик и закинул руку за спину.

– Не шоветую, – прошипел Электрик и опустил свое оружие острием вниз.

Опера не знали, чем им могло грозить орудие в руках маньяка, но все-таки они послушались его. Их очень смущал провод, уходящий в другую комнату.

– Шлу... – Толик увидел, как Мансуров дернулся. – Извини. Слушай, дай нам уйти.

– Не думаю, что это возможно, – Мансуров улыбнулся, сделал шаг вперед и воткнул свое копьё в пол.

Сначала ничего не происходило. Секунду или две, Фролов не знал сколько, но ему показалось, что мир застыл, замер в ожидании чего-то ужасного. В следующее мгновение ноги подкосились, и оба милиционера упали в большую лужу. Мозг Фролова отказывался принимать происходящее. Тело будто сковали, язык онемел, только глаза бешено вращались в поисках выхода.

Электрик подошел к Цыганкову и – только теперь Саша увидел, что маньяк стоит в луже в диэлектрических ботах, – с хрустом воткнул бамбуковую трость ему в грудь. Толик дернулся, оторыгнул розовой пеной и затих. Мансуров вынул копьё и повернулся к Фролову:

– Шлавный денек шегодня.

Острие гвоздя находилось в нескольких сантиметрах от лица парализованного милиционера. Он даже видел гвоздь, весь в запекшейся крови. Электрик занес свое копьё для удара, когда где-то далеко раздалась сирена. Фролов хотел улыбнуться, но губы не слушались его, и поэтому вышла лишь страдальческая гримаса.

– Обложили, шуки! – было последнее, что услышал милиционер перед тем, как электрически заряженные частицы, сорвавшиеся с окровавленного гвоздя, двинулись по его телу, пронося в каждую клеточку и даруя боль. Потом свет померк.

Глава 1

Как так вышло, что она влюбилась в Сережку, этого придурка? Придурка и... придурка!

Светка не находила себе места. Одно дело, когда по тебе сохнут все мальчишки в классе, а совсем другое... Черт! О чем бы она ни думала, перед глазами стояло смазливое лицо Сережи Монова. Светка взяла с полки первый попавшийся диск и вставила в DVD-проигрыватель. Фильм поможет ей отвлечься, а еще лучше, если это будет фильм ужасов. Как только показали первые кадры фильма, она поняла, что давно не подходила к телевизору. Диск, попавшийся ей под руку, как раз и был ужасом. У брата совсем крыша съехала со всем жутким. Книги, фильмы и даже музыка были в этом жанре. Чокнутый братик разбросал свое барахло по всему дому.

Света взяла пульт и пошла к дивану. Подняла книгу и села. Всмотрелась в обложку. Это были «Рога» Джо Хилла. Светка хмыкнула и отбросила книгу на другой конец дивана.

«Придурок!»

Она посмотрела на экран. И тут же картинка какого-то кровавого убийства сменилась снежной рябью. Света понажимала кнопки на обоих пультах, но снег не исчез. Девушка подошла к плоскому экрану, осмотрела его. Вспомнила, как дед колотит по своему телевизору времен динозавров, и улыбнулась. Тут даже и стукнуть не по чему. Света развернула панель и уставилась на пучки проводов, идущих от телевизора куда-то к стене.

«Да. Фильм не посмотрела, зато отвлеклась».

Света решила подергать провода. Она видела, как полоумный братец что-то здесь подключал. Девушка вынула один провод, затем другой, третий. На четвертом Света прокляла ту самую минуту, когда она решила побыть телемастером. Она со злостью вырвала оставшиеся провода и бросила их за телевизор. К черту! Посмотрела на экран. По крайней мере, заснеженность пропала – телевизор потух.

Черт с ними со всеми! С телевизорами, с братцами, с Сережками... Ну, вот опять!

Света прошла в ванную комнату. Она хотела помыть голову, но потом передумала. Набрала ванну, разделась и забралась в теплую воду. Закрыла глаза и предалась воспоминаниям прошедшего вечера.

Сережка не был ни спортсменом, ни заводилой в классе, он даже не был отличником, но ее словно магнитом тянуло к нему. К нему, серому, убогому, как говаривали одноклассники, и нелюдимому. Монов всегда держался особняком, не вступал ни с кем в перепалки. Он, казалось, жил своей жизнью, в своем красочном мирке, в который очень хотела попасть Света Колтун. Хотела, но не могла. Пока не могла. Вчерашняя попытка ворваться в его жизнь продвинула ее разве что на пару сантиметров, которые едва заметны на таком длинном пути к намеченной цели.

Вчера Светка подошла и пригласила его в кино. Просто и незамысловато. Да от такого предложения любой другой мальчишка описался бы, но только не Монов. Он повел плечом и сказал, что ему надо подумать. Подумать? Это что за хрень такая?! Это кто, он подумать должен?! Света впервые так унижалась, но она дождалась звонка с последнего урока и вновь подошла к своему избраннику.

– Ну что, ты подумал? – Света кокетливо повернулась и присела на край парты. И без того короткая юбка задралась еще выше. Но наглец даже не взглянул на ее ноги.

– Ты знаешь, Света, – парень посмотрел на нее красивыми голубыми глазами, – я, наверное, сегодня не смогу, мне заниматься надо.

«Ну не придурок, а?! Заниматься ему надо... Чем? Онанизмом, что ли?!»

– Ну, смотри... – начала Света.

– Ладно, давай в семь у кинотеатра «Дон», – будто опомнившись, произнес Сережа.

«Придунок!»

– В семь так в семь. – Света встала и пошла к выходу. Она знала, парень смотрит ей вслед. Колтун открыла глаза, когда поняла, что свет в ванной потух.

«Черт! Я так и знала!»

– Эй, придунок, включи свет! – Света была уверена, что «любитель ужасов» решил навести на нее жути.

Не дождавшись ни включения света, ни вообще каких-нибудь проявлений жизни по ту сторону двери, Света встала, обмоталась полотенцем и вышла из ванной. Насколько она могла судить, клавиша выключателя находилась во включенном положении, но она все равно вдавила ее. Еще раз, а потом еще раз. Ничего не произошло.

«Вот здорово, сначала телик, теперь во всем доме свет погас!»

Она уже смывала шампунь с волос, когда сквозь шум воды услышала звуки голосов, доносившиеся из гостиной. Света намотала второе полотенце на голову как тюрбан и направилась туда. С обувной полки взяла папин ботинок и, приготовившись для удара, вошла в комнату. Но там никого не было. Телевизор показывал полубогаженную девушку, убегающую от маньяка в маске. Света не часто смотрела фильмы подобного рода, но ее всегда поражало стремление режиссеров убить молодую красивую раздетую девку. Как будто не было бы страшно, если бы жестоко расправились с почтальоном-пенсионером в телогрейке. Несмотря на свои семнадцать лет, Света иногда задумывалась о смерти и не видела никакой разницы между порнозвездой в трусиках на размер меньше и пенсионеркой с мусорным ведром. Более того, она была уверена, что и Старуха с косой тоже не видит разницы. Смерть по своей сути – страшное явление. А если жизнь отбирает кто-то, кроме Бога, то это не просто страшно, это кошмарно.

Света подошла к телевизору и нажала кнопку «Power». Крик порнозвезды смолк на высокой ноте.

«Если б на мне были такие неудобные трусики, я б и без ножа в спине закричала».

Она улыбнулась своим мыслям, поставила ботинок на место и... Из комнаты раздался крик. Свету начала раздражать эта чехарда с электричеством. Она словно ураган ворвалась в комнату, подбежала к ненавистному телевизору, развернула его и выдернула все провода, которые поместились в руку. Экран потух, и Света облегченно вздохнула. Она победоносно смотрела на сплетение кабелей, будто на поверженных ядовитых змей. Но вдруг улыбку сменило недоумение.

«Стоп! Я же буквально то же самое проделала около часа назад. Или нет?»

Света засомневалась. Потом махнула рукой и вышла из комнаты. Наверное, дежавю. Странное дело, неизученный эффект, названный французским словом, успокаивал многих людей. Света не стала исключением. Она прошла в ванную, взяла расческу и фен. Ее мысли снова вернулись ко вчерашнему вечеру.

Света пришла к кинотеатру в семь двадцать. Опоздание было намеренным – чтобы пококотничать и одновременно успеть на последний сеанс, начинающийся в семь тридцать. Сережка стоял на крыльце у касс. В руках у него была роза. В обычной ситуации (ну, когда ее приглашают и все такое) это ничего не значило, но вчера, ввиду сложившихся обстоятельств, цветок в руках того, кто еще несколько часов назад собирался чем-то заниматься (онанизмом?), значил только одно – он намерен отвлечься от своего занятия. И Света с удовольствием собиралась ему в этом помочь.

Несмотря на выключенный свет в зале и билеты на последний ряд, в кинотеатре ЭТИМ, конечно же, заняться не получилось бы, но Светка рассчитывала хотя бы на поцелуй. Единственное, на что решился этот дронун... тьфу ты, занятой человек, так это взял ее за руку. Да и то с таким видом, будто она пенсионерка, а он из благотворительной организации и собирается вести ее в поликлинику.

«Черта с два я пенсионерка!»

Ее возмутило это тогда и продолжило возмущать сейчас.

– Я ему покажу, кто из нас пенсионер, – произнесла Света и включила фен.

Вчера она уговорила Сережку пойти с ней к Маше Стрельцовой. Он согласился на удивление быстро. Сегодня святки, и они с друзьями решили погадать. Вызвать духов и заниматься всю ночь разной лабудой. Но Светлана Колтун для себя уже решила, чем именно она займется. И, вполне естественно, не одна.

«Мне нужно заниматься», – вспомнила девушка слова Сергея.

– Я тебе покажу, что такое настоящее занятие, – улыбнулась Света и выключила фен.

Он буквально взорвался у нее в руках. Она вскрикнула и отбросила его. Прибор для сушки волос искрил и подрагивал, а потом и вовсе вспыхнул. Света завизжала и побежала на кухню. Схватила с мойки кружку, набрала воды и побежала тушить пожар. Но фен уже потух. На полу лежала бесформенная оплавленная масса. Света глотнула из кружки, подняла пластмассовую лепешку и пошла в кухню.

– Сегодня что, восстание машин, что ли?

Лепешка упала на дно мусорного ведра, а кружка вернулась на свое место на раковине.

Света подошла к зеркалу, улыбнулась своему отражению и пошла одеваться. Нет, ничто не сможет омрачить сегодняшнюю ночь – ни телевизоры, ни фены. Она оделась, еще раз посмотрелась в зеркало и вышла из квартиры.

Как только захлопнулась входная дверь, по кабелям, лежащим за телевизором, прошла голубая искра. Кабели шевельнулись, словно змеи, и поползли к задней панели. Вспышка, и все провода встали в свои гнезда. Голубые волны искр прошли по всему корпусу телевизора, и он включился. На экране маньяк разделявал жертву.

* * *

Как только Стас переступил порог бара, понял: быть беде. За столом у окна сидел Паровоз в компании двух рыженьких девиц. Стас усмехнулся – девицы, и именно рыженькие, были слабостью Паровоза. Вообще, всё, во что тот без особого труда мог засунуть свой хер, было его слабостью. Стас не смог припомнить ни одного человека женского пола, знакомого с Паровозом, который рискнул бы повернуться к нему спиной. Образно говоря, разумеется. Удручало то, что некоторые находили его соблазнительным. Особенно Маша.

– О, Стасик пожаловал! – заорал Паровоз. – Давай к нам!

Стас подошел, обнялся (надо признать, с опаской) со старым приятелем и присел на свободный стул. Старый приятель – это было не просто выражение, метафора. Станислав Любимов на самом деле считал Паровоза старым. Разница в возрасте была в шесть лет. В целых шесть лет! Цифра незначительная, если тебе за сорок, но когда тебе шестнадцать, а твоему другу двадцать два, он для тебя старик.

– Ну, Стасик, какая твоя? Выбери, – без стеснения предложил Паровоз.

Девушки захохотали. Стас уже привык к выходкам старшего приятеля, но все равно почувствовал неудобство, будто это его обнаженного вывели на показ девицам.

– Давайте, может, поедим для начала, – робко предложил он.

– Правильно, Стасик, надо белочками подкрепиться к сегодняшней вечеринке, – сказал Паровоз и захохотал. Девушки тоже засмеялись.

Стас заказал себе двойной гамбургер и колу, девушки взяли по молочному коктейлю, а Паровоз куда-то вышел. Стасу это не очень-то понравилось. Он был не из стеснительных, но компания двух похотливых девиц его смущала. Вернулся Паровоз. В руке у него была банка «Ягуара». Он шумно отпил, гыгыкнул и подмигнул Стасу:

– Вот это другое дело.

– Ты хотя бы сегодня мог не напиваться, – раздраженно произнес Станислав, подняв тем самым свой рейтинг в глазах этих рыжих дур.

– Стасик, об чем базар! Еще парочку – и все, я в завязке, – уверил его Паровоз и подмигнул одной из девиц.

– А куда мы идем, Паровозик? – спросила та, у которой грудь больше (Стас по-другому и не знал, как их отличить – как сестры, блин), и надула губки.

Стас даже перестал жевать.

– Паровоз, они что, с нами идут?

– Станислав, спокойствие, только спокойствие.

– Да мне вообще-то насрать, но там народу и так...

– Много не мало, Стасёк.

– Я же сказал, мне насрать, только с Машкой сам будешь разговаривать, – сказал Стас и откусил кусок гамбургера.

Девушки, до этого сидевшие, открыв рот, снова захихикали.

«Где он их взял? Наверно, на той же ферме, где вывели и его. Как можно быть таким безмозглым и вести к девушке, которая млеет от каждого его движения, двух крашенных дур? Ведь не для игры же в подкидного он их туда ведет. Да и Машка тоже хороша. Вокруг нее парни вьются, а она на этом недоразумении зациклилась».

Стас посмотрел на Паровоза. Тот, будто в подтверждение его мыслям, отрыгнул и уже хором с рыжими засмеялся. Развитие этой троицы остановилось еще в пятилетнем возрасте. Станислав попытался представить себе придурка с банкой «яги» в дошкольном возрасте. Перед мысленным взором предстал пухленький сопливый малыш все с тем же алкогольным коктейлем. Стас улыбнулся и посмотрел на подруг Паровозика. Их он даже и не стал представлять. Такие, по мнению Стаса, рождались сразу с сиськами, без мозгов и с крашеными волосами.

– Ну что, Стасик, какие планы? – Паровоз снова отрыгнул.

«Ну не придурок?!»

– Я это к тому, что еще шести нет, а мы же к восьми договорились.

– Нам надо зайти в «Копилку» и взять чего-нибудь на ночь. – Стас допил колу, встряхнул стакан и, убедившись, что он пуст, поставил его на поднос. – Ты ж, наверное, без «яги» на стену полезешь?

– Есть такое дело. – Паровоз достал из кармана кошелек, вынул тысячную купюру и положил на стол перед Любимовым. – Стасик, братан, купишь мне упаковочку?

– Ничё не треснет? – поинтересовался парень.

– Да ну брось ты. От чего трескаться-то? – Паровоз встал и посмотрел на подруг: – Ну что, прелестницы, у нас есть часик для утех, а потом... Стас, как это слово?

– Святки.

– Ну, а потом святки-прятки. Кто не спрятался, я не виноват.

Девушки засмеялись. Паровоз обнял их и повел к выходу. Одна из них вывернулась, подошла к столу, что-то написала на салфетке и подвинула к Любимову. Стас посмотрел на телефонный номер и улыбнулся. Девушка захихикала и побежала к Паровозу.

– Мы будем к восьми! – крикнул тот Стасу от двери.

«Нужен ты кому, придурок! – подумал Станислав, хотя знал, что нужен. – Черт возьми, даже брутальный кусок мудака с мозгом пятилетнего сопливого пацана кому-то нужен!»

Вдруг внимание Любимова привлек включившийся светильник. Белый шар был встроено в центр стола и, возможно, включался у барной стойки. Стас посмотрел в сторону бара. Бармен таскал из подсобки ящики с колой. Единственная работающая в дневную смену официантка тоже была занята приемом заказа у лысого потного мужика. Версия о включении светильников из-за стойки рассыпалась, так как «шарик» горел только на столике Любимова. Стас осмотрел светильник, стол. Заглянул под крышку. Провод от шара шел по центральной ножке стола и

был прикреплен к ней пластиковыми стяжками. Тумблер располагался прямо на проводе. Стас подумал, что мог нечаянно включить его сам. Он потянулся к выключателю и практически сразу же отдернул руку. Ему показалось, что пластиковый тумблер заискрил. Он прекрасно знал, к чему приводит подобный эффект, но тем не менее резко ударил по выключателю тыльной стороной ладони и живой и невредимый вылез из-под стола. Злополучный шар погас. Стас взял сумку с кресла и поспешил к выходу. Если о предстоящей беде он каким-то образом догадывался еще до того, как сел за столик, то о том, что она коснется непосредственно его, Стас и понятия не имел. Пока не имел.

Как только мальчишка вышел через автоматическую дверь торгового центра, по проводу того столика, где он минуту назад сидел, пробежала искра. Преодолела выключатель, расплавив его до бесформенного вида, и ворвалась в патрон светильника. Шар засветился. И вместе с нарастающей яркостью начал изменяться размер стеклянного плафона, будто какой-то шутник сидел под столом и надувал его. Стас уже перешел через дорогу, когда светильник взорвался миллионами осколков, рассекая лысую потную голову посетителя, белый передник официантки и красную рубаху бармена.

* * *

Сережка Монов не мог нарадоваться своей удаче. «Это Бог обратил внимание на тебя», – говаривала его бабушка, когда у него что-то получалось особенно хорошо. В этот раз, пожалуй, ее фраза как нельзя лучше подходила к происходившему в последнее время. Ему хотелось плясать, петь и кричать на весь мир, что у него есть девушка. И не просто девушка, а Света Колтун – мечта любого пацана с шестого по одиннадцатый класс.

Монов достал электрическую бритву, подаренную дедом на пятинадцатилетие любимого внука. Сергей так ни разу ей и не пользовался, – не было необходимости. Пушок под носом и на щеках до вчерашнего дня устраивал всех его поклонников, тем более что их число не увеличивалось со дня его рождения. Бабушка, дед, папа и мама – вот и вся его свита. Он не помнил, когда начал замечать, что его родня, мягко говоря, лукавит при обсуждении его внешности, но Сергей не спешил меняться. Ежедневные причитания: ты самый лучший, ты самый красивый, ты самый умный – сделали свое дело, и со временем даже появление прыща на кончике носа могло быть приравнено к «Божьему обращению на него». Да, Сергей знал себе цену. Цена была явно завышена его предками, но это, опять же, всех устраивало. И только после того, как на него обратила внимание девушка его мечты, Сергей решил произвести небольшой ребрендинг своей внешности.

Начать он решил с бесполезных зарослей на лице, и подарок деда подходил для этого как нельзя кстати. Сережа открыл пластиковый чехол и посмотрел на бритву. Надо признать, он это сделал во второй раз с тех пор, как она попала к нему. Вначале подарок деда не впечатлил юнца, но он очень любил старика и только поэтому не показал свое разочарование, поцеловал его в благодарность и засунул коробку с надписью «Харків» на книжную полку. Потом чудо-прибор перекочевал в ящик стола, а сегодня попал к Сережке в руки, и он очень надеялся, что бритва все-таки работает.

Электробритва работала, и через десять минут равномерного жужжания поросль «а-ля нашмалыштакоймужественный» сменила покрасневшая кожа. Сережа посмотрелся в зеркало. Нос сразу же привлек внимание парня. Он как будто стал больше, но это мало беспокоило Монова.

«По крайней мере, он отвлекает от красноты верхней губы», – подумал Сергей и улыбнулся.

Губа и щеки все еще горели, а вот нос, казалось, стал обычным. Годится. Если он Свете понравился с пушком, то без него уж тем более все будет хорошо.

«А ты уверен, что она не хотела посмеяться над тобой?»

Нет! Нет, черт возьми, он не был в этом уверен! Он ни в чем не был уверен. Сережа присел на край ванны. Но так все было естественно... Она буквально прилипла к нему в темноте кинозала. Не правда ли, довольно-таки странное место для издевок?

«Стоп! Стоп! Стоп! Ты что-то забылся, «самый лучший мальчик». Над тобой не может никто смеяться, помнишь? Ты лучший!»

Его размышления прервало слабое жужжание и вибрация. Сережа выглянул из ванной. На столе в кухне работала дедовская бритва.

– Удружил старик, – улыбнулся Монов и выдернул шнур из розетки. Прибор под названием «Харків» замолчал.

Сергей пошел в свою комнату. Надо было подобрать что-либо стоящее из одежды. А из тряпья у него только сплошные толстовки с капюшонами да штаны-карго со множеством карманов. Нет, его предки не скупилась для «самого-самого», да и трудно назвать скупостью покупку шмоток, цена каждой из которых всегда превышала два «косаря». Сережа не заикливался на одежде. Он не заикливался вообще ни на чем. Учеба давалась ему легко. «Все, за что берется мальчонка, дается ему легко», – говорил дед.

«Это потому, что Бог обращает на него свое внимание», – вторила ему бабушка.

Трудно во что-либо не поверить, если тебе об этом твердят любимые люди. Вот Сережа и верил. А после вчерашнего и вовсе решил, что Бог закрепил за ним очень трудолюбивого Ангела.

Снова жужжание из кухни. Сережа из-за угла с опаской посмотрел на бритву. Шнур был воткнут в розетку. Парень задумался. Ему почему-то казалось, что он выключал прибор, но мог просто подумать и забыть. Ведь у него сегодня есть и более важные дела. Например, святки (насколько он понимал, они проходят ночью) с первой красавицей гимназии. Сергей подошел, выдернул шнур из розетки, намотал его на бритву и спрятал «Харків» в пластиковую коробку.

Сергей снова вернулся в комнату, поставил дедовский подарок к томикам Дина Кунца. Ей там самое место. Монов вывалил все из шкафа и начал перебирать. То, что ему когда-то нравилось, не годилось для сегодняшнего свидания. Многочисленные толстовки и штаны отличались только по цвету и по сути своей были повседневной одеждой. Он снова сложил все в шкаф, кое-как рассовав по полкам. Ничего не годится. Ну не бежать же в магазин. И тут он решил на то, на что не решился бы никогда, если бы не Света.

У сына и отца Моновых был практически одинаковый размер, поэтому Сергей, не раздумывая, направился в спальню к родителям. Открыл шкаф и аккуратно (здесь он не мог себе позволить бесцеремонности, как в собственном жилище) осмотрел брюки и сорочки. Улыбнулся. Еще день назад он думал, что никогда не наденет наряд пенсионеров. Сережа выбрал черные классические брюки и белую в синюю полоску рубаху. Потом посмотрел в глубь платяного шкафа и выудил темно-синий кардиган. То, что нужно.

С новой проблемой Сергей столкнулся уже через пятнадцать минут. Ему нечего было обуть. Нет, обуви было полно, начиная от домашних тапочек и заканчивая роликами. А если серьезно, у него было три пары прекраснейших кроссовок. Кроссовок, черт возьми! Повседневная обувь к повседневной одежде. Все просто. Вариант с отцом отпадал, потому что в прихожей он не видел ни одной из двух его пар. Но не мог же он уйти сразу в четырех ботинках. А что, если он отнес одну пару в ремонт или... Это «или» ему нравилось больше, и Сережа пошел в кухню. Черные туфли стояли под столом. Из каждой торчало по проводу, включенному в удлинитель. Сушка «Тимсон», купленная отцом пару недель назад через интернет-магазин, была в действии. Сережа вынул приборы красного цвета из обуви, потрогал туфли внутри и, удовлетворенно кивнув, надел их.

В семь пятнадцать вечера, надушившись «Лакостом» (тоже папина вещица, он как-то обходился «Аксом»), Монов вышел из квартиры. Он шел на первое... Нет уж! Он шел уже на второе свидание с самой красивой девушкой в этом городе.

Как только захлопнулась дверь квартиры Моновых, бактерицидные сушки обуви «Тимсон» вспыхнули одновременно, а электрическая бритва «Харків» начала монотонно жужжать, подталкивая томик Кунца «Полночь».

* * *

Паровоз не всегда был сволочью. Если начистоту, он и сейчас себя таким не считал. А на то, что о нем думают другие, ему было наплевать. «Яга», симпатичные и глупые девушки были не только его слабостью, но и образом жизни. И плевать, что к тридцати годам он может стать спившимся импотентом. Зато сейчас ему чертовски хорошо – не жизнь, а праздник. Он не всегда был Паровозом. Ведь его когда-то называли Вовой, Вовочкой, Вовчиком. И вот сейчас иногда, когда он становился прежним, тем мальчиком, каким его знали мама и бабушка, младшая сестренка и отец, Володя Тутуев думал, что не заслужил всего этого. Не заслужил остаться без родителей в семнадцать лет, не заслужил потерять бабушку в двадцать, не заслужил, не заслужил! Во время все реже случавшихся приступов одинокого Вовы он признавался себе в том, что поведение бабника-алкоголика им выбрано намеренно, как защитная реакция. Он защищался от одиночества. Но если раньше эта самооборона вызывала жуткий стыд, то сейчас собственные выходки были в порядке вещей и просто забавляли его.

Володя привез Соньку и Тоньку к Ваське Звягину – школьному товарищу. Василий жил один в двушке. Паровоз посмотрел на рыжих девиц и только теперь понял, что не помнит, как какую зовут. Да, собственно, ему было наплевать на их имена, а еще через пару баночек коктейля будет наплевать и на них самих. Через пару баночек Володя Тутуев исчезнет, и на его место придет беспардонный Паровоз, который, подобно своему железному тезке, будет нестись вперед, и даже если он по какой-то причине решит остановиться, то тормозной путь будет «будь здоров». Но он не остановится. Он будет плохим. Он будет чертовски плохим.

– Ну что, Паровозик, пойдем? – к нему подседа не то Соня, не то Тоня.

– Куда? – спросил Вова и ухмыльнулся.

– На запасной путь! – крикнул Звягин и заржал.

– Не дождетесь. – Паровоз ущипнул девушку за упругую ягодицу и, приобняв, повел ее в спальню.

– Наш Паровоз вперед летит, – хором запели Васька и не то Сонька, не то Тонька. – В кровати остановка.

Володя пропустил девушку перед собой в комнату и вошел следом. И уже через неоднократно выкрашенную в бежевый цвет дверь он услышал:

– Другого нет у нас пути, в штанах у нас «морковка».

Окончание песни утонуло в смехе второй рыженькой.

– Придурки, – улыбнулся Паровоз и прильнул к грудастой девушке.

Володя не относил себя к эмоциональным людям, но все-таки похвалил себя за то, что выбрал девушек с созвучными именами. Мало ли, может, вырвется имя, и единственное, что ему было нужно, так это не называть первой буквы ее имени. Что-то типа: ммм...оня! Ну, с этим-то он справится. По крайней мере, он в это верил. А то отказ девушки от секса в самом его разгаре очень болезненно воспринимался Паровозом. Был у него один случай. За предложение сделать ему минет девица вообще отказалась вступать с ним в половой акт. Недотрога, бляха... После этого Паровоз, залепив гудок, молча вставал на рельсы.

Когда включилась настольная лампа, он не заметил. Насколько Паровоз помнил, они вошли в темную комнату, единственным источником света в которой был уличный фонарь,

светивший в окно. Теперь долбаная лампа на компьютерном столе, словно всевидящее око, следила за пыхтением Паровоза. Девушка под Володей извивалась и выворачивалась, но ему было не до секса. Он все еще двигал тазом, когда свет потух, а потом снова включился. Потух и включился. Потух и... Паровоз не выдержал, вскочил с содрогающейся в оргазме девицы и швырнул оказавшуюся у него в руках диванную подушку в подмигивающий светильник.

– Что случилось? – спросила Тоня-Соня.

Володя оделся и молча вышел из спальни. Что можно объяснить дуре, если... Он понял, что не знает, что «если». Он был зол. Больше на самого себя за то, что испугался какой-то лампочки. Ну, заморгала она, ну и что? А то, что Паровоз видел силуэт человека. В темноте сидел кто-то и щелкал тумблером. Включит и исчезнет, выключит и снова сидит у окна. Первый раз с ним такое. Может, «белка». Галлюцинации и все такое. Может, допился до чертиков. Он готов был поверить в жизнь после смерти и в то, что это сидела какая-нибудь заблудшая душа бывшего хозяина квартиры, чем в собственную болезнь.

До жути хотелось выпить. Володя прошел в кухню и заглянул в холодильник. Из гостиной раздавались стоны второй рыженькой и бормотание Васьки. Паровоз улыбнулся, так и не поняв, чему больше рад – сравнению друга со злобным троллем или обнаруженным баночкам «Троффи». Открыл банку и шумно глотнул. Потом подумал и пошел в гостиную. Бесцеремонно уселся в ногах копошащихся и включил телевизор. Рыжую присутствие посторонних глаз, казалось, завело еще больше. Она орала. Володя сделал звук громче. Когда к визгу разгоряченной подружки добавилось ворчание Васьки – «Сейчас, детка, сейчас», Паровоз не выдержал:

– Хрена вы развизжались, кролики?! Ниче, что здесь люди?!

Вот это и стало отличительной чертой Паровоза. Он пер напролом. И плевать он хотел на чьи-либо чувства.

– Ну, спасибо тебе, корешок, – произнес Васька, когда Соня (эту все-таки звали Соня) ушла в ванную.

– Это мне спасибо?! Это тебе спасибо! Отправил меня в комнату, где настольная лампа будто взбесилась.

– Что ты мелешь?

Душераздирающий вопль перебил их мирную беседу. Васька подскочил.

– Вот. – Володя встал и показал в сторону орущей Сони. – Она вот так же орала и под тобой.

Но Вася уже выбежал из комнаты. Паровоз пошел за ним. Соня стояла в спальне, из которой десять минут назад сбежал Тутуев. Парни выглянули из-за нее. В кресле у стола, склонив голову на бок, сидела обнаженная Тоня. Петля буквально впилась в кожу шеи. Паровозу даже показалось, что он видит кончик языка, торчащий меж влажных губ. Он подошел ближе и взялся за удавку. Она была сделана из провода злополучного светильника. Володя трясущейся рукой снял петлю с шеи девицы, и тут она встала. Тутуев дернулся и свалил чертов светильник на пол.

– Она жива, – только и смог произнести Вася.

Девицы заржали. Володя, сжав кулаки, подошел к Тоне.

– Смешно, ведь правда, – сказала она, давась от смеха.

Поборов желание придушить эту безмозглую курицу, Паровоз оттолкнул девушку и вышел из комнаты. Тоня, София и Вася вышли за ним. Когда за ними закрылась дверь, светильник, лежащий на полу, повернулся вокруг своей оси и включился.

Глава 2

Маша ждала всех к восьми, но знала, что Светка прибежит раньше всех, чтобы поговорить о своем ненаглядном. Только Маша не была уверена, кто будет ненаглядным в очередной раз. Любвеобильная Светка даже, казалось, и не замечала собственную неразборчивость, а на попытки вразумить ее отвечала, что, мол, это они ей все завидуют. Все подружки вмиг перестали ей завидовать.

У Маши тоже был ненаглядный. И хоть это не принц на белом коне, да и вообще Володю Тутуева трудно назвать положительным героем, но все равно он был самым лучшим. По крайней мере, он уже не ходит с пушком под носом и последний прыщ выдавил года четыре назад.

Дверной звонок как-то странно крикнул и затих. Маша вышла в прихожую, посмотрела на коробочку с нарисованными канарейками, висящую над дверью, пожалала плечами и открыла дверь. Мысли о сломавшемся звонке исчезли, как только она увидела Светку. Колтун стояла в норковом полушубке и держала в руке торт.

– Ну, привет, – Светка улыбнулась и прошла в комнату.

Маша жила в сдвоенной комнате малосемейного общежития. Когда-то ее предкам (еще до ее рождения, надо полагать) дали от Завода низковольтной аппаратуры одну комнату, мол, на первых порах, пока не достроится девятиэтажный дом. За семнадцать лет, отданных заводу, их комнатка приросла еще одной, но обещанной квартиры они так и не получили. Тот дом достроили и продали из-за шаткого положения завода. Положение таким же и осталось – по крайней мере, у Завода НВА и двух тысяч заводчан, а директор под шумок построил особняк чуть меньше девятиэтажного здания. И единственное, чего смогли добиться предки Маши, так это захватить соседнюю комнату после смерти ее хозяйки. После объединения двух помещений у Маши появилась собственная комната. Пусть туалет, душ и кухня были общими, зато отведенные родителями девять квадратов были только ее.

– Предки дома? – шепотом спросила Света.

– Нет, уже уехали.

Маша дружила со своими родителями – если, конечно, так можно было сказать. У нее не было никаких секретов от них, а они, в свою очередь, полностью доверяли ей. Хотя Маша знала, что отец непременно зашел к тете Любе из сто шестой комнаты и наказал ей следить за «детьми». Дети. Отец всегда называл Машу и ее друзей детьми. В пятнадцать это злило, а в семнадцать она уже высказывала свое мнение, и, спасибо папе, он прислушивался к нему.

– Так это...

– На два дня, – предугадала вопрос подруги Маша.

– Гуляем, подруга!

– Только сегодня, – поспешила предупредить Мария.

– Да ладно тебе, я думаю, мне и ночи много. Я его сегодня уломаю, – доверительно прошептала Света.

– Ты про Сережку, что ли?

– Нет, блин! Паровоза твоего!

Девушки засмеялись.

Звонок больше ни разу не зазвонил – похоже, сломался совсем. Гости стучали в дверь и небольшими группами проходили в комнату Маши. К без пятнадцати девять собрались все. Маша посмотрела на Вову. Он был пьян и привел с собой каких-то девок и Ваську. Но она готова была простить ему все, поэтому и не возмутилась. К тому же позвонил Пашка и сказал, что Юрка и Оля поссорились и не придут. А сам Пашка наказан предками. Так что народу собралось как раз сколько надо. Конечно, Маша ни в одной книге по спиритизму не нашла

информации о точном количестве людей, но ей почему-то казалось (в большей степени хотелось), что в ритуале должно участвовать не меньше восьми человек.

Сережка и Стас поставили стол в центр комнаты, Света и Маша зажгли свечи, Васька и Вова расчертили круг, вырезанный из ватмана, и постелили на стол. Все было готово. До полуночи оставалось десять минут. Паровоз подсел к хихикающим девицам, достал откуда-то баночку коктейля и, открыв ее, сделал два больших глотка.

– Вова, – возмутилась Мария, – пьяному нельзя участвовать в сеансе.

– Так мне что, уйти? – спросил Паровоз и отрыгнул.

– Да и черт с ним, – вступился за «старого приятеля» Стас. – Будет записывать буквы.

– А кстати, – подал голос Василий, – кого вызывать-то будем?

– Пушкина, – пошутил Владимир, и рыжие засмеялись.

– Придурок! – зло сказала Маша.

Она прошла к входной двери, слегка приоткрыла ее, выключила свет и вернулась к столу.

– Света, открой, пожалуйста, форточку.

Колтун приоткрыла окно. Пламя свечей на столе колыхнулось на сквозняке, заволновалось, но потом снова стало ровным и спокойным.

– Все, садимся. – Маша была раздражена. Ее бесил Паровоз, потому что пил, ее вывели из себя Оля, Юрка и Пашка, ее раздражали вечно смеющиеся тупые рыжие курицы.

«Надо успокоиться. Иначе ничего не выйдет», – уговаривала себя девушка.

Они сели за стол, образовав магический круг. В то, что круг станет магическим с таким содержимым, Мария верила с трудом, но она хотела этого сеанса, и выбора у нее особого не было.

– Возьмитесь за руки, – сказала она.

По правую руку от нее сел Паровоз, а по левую – Света Колтун. Они посидели, держась за руки, с минуту.

– Так, все, тишина. Я начинаю.

Маша положила руки на блюдце в центре стола. На мгновение закрыла глаза, а потом, не раздумывая, произнесла:

– Вызываю дух Александра Сергеевича Пушкина!

– О, б...! – вырвалось у Паровоза.

Маша не обратила на это внимания.

– Вызываю дух Александра Сергеевича Пушкина!

Она сделала небольшую паузу и произнесла вновь:

– Вызываю дух Александра Сергеевича Пушкина!

Маша почувствовала, как тарелка под кончиками пальцев задрожала.

– Дух, ты здесь?

Блюдце дернулось и поползло к графе: «ДА».

* * *

Было около десяти вечера, когда позвонил Юрка. Паша сидел за компьютером и просматривал ленту друзей «В Контакте».

– Да, – ответил он, так и не оторвавшись от монитора.

– Пашок, выходи, сообразим что-нибудь.

«Сообразим что-нибудь» означало только одно – выпьем по коктейлю. Благо мама у тетки, а отец на дежурстве. Паша хотел отказаться (как он это успешно проделал с Машиным вызовом духов) и проиграть сегодня всю ночь в «R2», но от быстрого отказа его удержал голос друга. Предательство подруги и все такое. Юрке нужно с кем-то поделиться.

– Ты где? – спросил Пашка и выключил компьютер.

– У твоего дома.

– Ну, так заходи, у меня предки в самоволке.

– Нет. Давай к дядюшке Тому пойдём. Сейчас и Димыч подойдет.

Они часто собирались на крыше единственного девятиэтажного здания в городе. Там стояла сваренная из металла небольшая будочка. Внутри вполне помещалось четыре человека. Вот ее-то они и прозвали «хижиной дядюшки Тома».

– Ладно, сейчас выхожу.

Юрка был расстроен. Он рассказал, что поссорился с Олей. Дима с Пашкой знали, что Ольга для него была больше чем подружка. Они с ней с пятого класса. С пятого класса за одной партой, проводы из школы домой, подарки и поцелуи, а с недавних пор и... В общем, до сегодняшнего дня все складывалось хорошо. Секс, вечеринки и даже, как предполагал Юрка, любовь. По крайней мере, он без нее не представлял себе жизни.

– Она смеялась и смеялась, а я стоял как дурак, не зная, смеяться мне или плакать. Тут она остановилась и сказала: Юрочка, неужели ты подумал, что я буду возиться до старости с таким ничтожеством, как ты? Прикиньте?! Мне захотелось ее ударить. Нет, вру! Мне захотелось ее убить. Поэтому я молча ушел. Ушел! Понимаете? Лучше бы я убил ее. А потом и себя. Зачем мне жить? – В глазах Юры стояли слезы.

– Брось ты, Юрок. Сколько их у тебя еще будет? – сказал Димка.

Юрка схватил друга за грудки.

– Она одна такая! Ты слышишь?! Одна! – Отпустил Диму. – А знаете, что она мне еще сказала? Она сказала, что трахалась со мной из жалости. Прикиньте, из жалости! Сука!

Он взял с самодельного низкого столика банку коктейля и сделал три жадных глотка. Ребята сидели молча. Вдруг Юра подпрыгнул с места и помчался к краю крыши. Пашка сообразил первым. Он догнал друга, когда тот уже стоял на парапете. Дима тоже подбежал. Юрка матерился, пытался вырваться. Ребята заволокли его в будку и усадили. Сами сели на выходе, чтобы этот чемпион снова не стартанул.

– Юрок, погоди, – проговорил Пашка, отдышавшись. – Может, ты что-нибудь вытворил до этого, вот она и разозлилась...

– Она трахалась со мной из жалости, – всхлипывая, повторил Юра.

– Женщины бывают очень жестоки, – произнес Димка так, будто ему тридцать, а не пятнадцать.

Парни согласно кивнули.

– Она трахалась...

Вдруг вспышка, а следом треск. Будто молния ударила в крышу. Но молний не может быть в январе. Не может, и все. Пашка выглянул первым. Икнул и снова сел на свое место.

– Мужики, там, по ходу, кабель оборвался, – сказал Паша и отпил из баночки. – Я такое видел, когда с батей на вызов ездил.

– Надо делать ноги. – Димка был младше друзей, но сообразительней. – А то щас набегут... А кого обвинят? Конечно, нас!

– Дергаем, – сказал Юрка и вышел из будки.

Кабель, разбрызгивая искры, извивался у самого спуска с крыши. Пашка побежал в «хижину дядюшки Тома», взял доску и вернулся к выходу. Ловким движением пригвоздил кабель-змею (уроки папы-электрика не прошли даром) и крикнул ребятам:

– Давайте, спускайтесь!

Юрка и Димыч спустились. Паша чувствовал, с какой силой изолированная проволока, наполненная электрической мощностью, пытается вырваться. Он бросил доску на кабель и, перебежав по ней, как по мостику, скрылся за дверь. Провод, будто живой, вывернулся, отбросил деревяшку и затих.

* * *

– Да ну, хрень это все! – выкрикнул Стас и встал с места.
– Стасик, сядь на место, – предложила Маша, – мы еще не закончили.
– Маш, он врет! – Стасу было стыдно за то, что все узнали о его чувствах к Маше. А еще ему было страшно. Откуда дух (или кто там шевелился под тарелкой) узнал об этом?!

– Стасик, будь любезен, – предложил Паровоз. Ласково, но с нажимом.
Стас сел. Паровоз похлопал его по плечу.
– Продолжай, Мария. – Володя был изрядно пьян.
– Дух, ты здесь? – Маша решила проверить.
Тарелка дернулась и начала передвигаться от буквы к букве: «Б», «У», «Д»...
Когда тарелка вернулась в центр стола, Света подала лист Сереже.
– «Будете отвлекаться – уйду!» – прочитал парень.
– О, б...! – Паровоз отрыгнул. – Обидчивый.
Маша зло посмотрела на приятеля и вдруг спросила:
– Александр Сергеевич, скажите: Володя станет человеком?
Тарелка замерла у сектора «Нет». Потом дрогнула и понеслась по кругу, обозначая ту или иную букву. Света едва успевала записывать литеры.
– Что он там сказал? – спросил Володя.
– «Плачет по ночам», – по слогам прочитала Колтун.
– Кто? – хором спросили рыжие девицы.
Володя вскочил из-за стола. Лицо покраснело, руки затряслись.
– Это чушь! Бред какой-то!
– Успокойся! – Маша потянула парня за рукав. – Сядь. С этой штукой бывают проблемы.

Как только Вова сел, Маша положила обе руки на блюдце. Оно дернулось, будто только того и ждало, и двинулось к слову «НЕТ». Маша удивленно вскинула бровь.
– Что «нет»?
Блюдце заходило по бумажному кругу, и Света начала записывать за ним.
– «Это еще не проблемы», – прочитала она.
– Хорошо, – ласково, будто разговаривала с капризным ребенком, произнесла Маша. Она почувствовала, что ее ладони вспотели. – А скажи мне... – Маша задумалась. – Скажи... – Она посмотрела на Сережку Монова. – Кто будет мужем Светы Колтун?
Светка хихикнула и приготовилась записывать. Но по мере написания букв, указанных блюдцем, ее веселье сходило на нет. Потом она вскрикнула и отбросила ручку, будто дохлую крысу.
– Что случилось? – спросила Маша, но рук с блюдца так и не убрала.
Свету всю трясло, она не могла проговорить ни слова. Вася взял листок с ответами духа и прочитал последнюю запись.
– Олег Соколов. Имя как имя, – удивился парень. – Что ты развизжалась?
– Он утонул, когда мы были в третьем классе, – сказал Стас.
– Ну и что? – спросил Володя. Казалось, собравшихся его вопрос поразил еще больше, чем названное духом имя мертвого мальчика. Поэтому Паровоз решил быстренько исправиться: – Может, этот... ну... Пушкин не знал, что пацан утонул.
Глупое предположение, но все-таки лучше мысли о том, что призрак издевается над ними. Но Маша решила проверить.
– Александр Сергеевич, вы знали, что, – голос предательски дрогнул, – Олега Соколова нет в живых?

Блюдец сорвалось с места к слову «ДА» и тут же вернулось назад. Маша отдернула руки, будто хотела показать свою непричастность к происходящему. Девушка испуганно посмотрела на сидящих за столом (возможность того, что это всего лишь чья-то шутка, сохранялась), но она увидела, что ребята напуганы не меньше ее. Чушь! Бред! Ей говорили, что будет весело, но чтоб настолько... Маша взяла себя в руки и снова дотронулась кончиками пальцев до блюда.

– Может, не надо? – услышала она чей-то шепот.

«Одна из рыженьких, – подумала она. – Может, и правда не надо?»

Но потом решила и произнесла:

– Дух, ты шутишь?

Блюдец задрожало, будто под него заползла какая-то тварь и теперь пытается вырваться. Маша надавила сильнее. Она прекрасно понимала, что дух не сможет ответить, если обездвижить тарелку, но Маша очень боялась увидеть, что под ней. Но блюдец успокоилось и поползло к «НЕТ».

И тут Маша вспомнила, периодически надо спрашивать у духа о его «самочувствии». Она улыбнулась и спросила:

– Дух, ты устал?

Небольшое колебание, потом – «ДА».

Маша засияла. Теперь все ясно, все встало на свои места.

– Давайте возьмемся за руки, – предложила она.

Когда они создали замкнутый круг вокруг стола, Маша произнесла:

– Дух, уходи! Дух, уходи! Дух, уходи!

Наступила тишина. Парни и девушки продолжали держаться за руки, будто ища поддержки друг друга.

– Это что, и все? – спросил первым Паровоз.

– Руки можете отпустить, – раздраженно сказала Маша. Помедлила некоторое время, а потом положила руки на блюдец и спросила: – Дух, ты здесь?

«ДА».

«Черт! Это не он устал, это я устала!»

– Давайте еще раз, – сказала Маша и взяла за руки Володю и Свету. – Дух, уходи! Дух, уходи! Дух, уходи!

Она снова положила руки на блюдец.

– Дух, ты здесь?

Обманчивая пауза почти заставила собравшихся поверить, что призрак ушел, но блюдец дернулось и указало на слово «ДА».

– Да что это за хрень такая? – возмутился Паровоз.

Маша зыркнула на него – мол, не мешай – и задала вопрос духу:

– Почему ты не уходишь?

Тарелка забегала от буквы к букве.

– «Я хочу поиграть», – прочитала Света.

– К черту! – Володя вскочил со своего места. – Маша, какие игры?!

– Вова, сядь, пожалуйста, – попросила девушка.

Паровоз послушно сел, но по его виду можно было понять – это в последний раз.

Они снова взяли за руки.

– Дух, уходи! – Маше хотелось плакать. – Дух, уходи! Дух, уходи!

Тарелка в центре стола дернулась (Маша сдавила руки Володе и Свете) и двинулась к букве «И». Затем «Г», «Р» и «А». Паровоз буквально подпрыгнул на месте.

– Пошел ты в жопу со своей игрой! – Он схватил бумажный круг и тарелку и закинул в дальний угол. – Все, хватит! Давайте по норам!

- Ты что это, придурок, наделал? – вскочила Маша. – Ты сейчас уйдешь, а мне здесь ночевать с этим... – Маша повернулась и показала на тарелку.
- Все посмотрели в угол. Блюдце подползло к букве «Т».
- Что за хрень? – в унисон произнесли Паровоз и Маша.
- Света по привычке начала записывать.
- Секунд через двадцать откуда-то из коридора донесся хлопок. Ребята ринулись к выходу.
- Какой debil врубил «козла»?! – заревел сосед дядя Толик.
- Паровоз выглянул в коридор. Тьма поглотила длинное помещение.
- Они че, в коридоре гадают? – спросил скорее сам у себя Володя.
- Свет отключился, придурок. – Маша взяла свечу, вышла из комнаты и сразу же наткнулась на «папину помощницу».
- Машенька, это не вы безобразничаете?
- Нет, тетя Люб, мы уже расходимся, – заверила девушка и тут же вернулась в комнату.
- Ну да, ну да, – проговорила соседка и скрылась в темноте.
- Ну, что там? – спросил Стас.
- Похоже, и правда кто-то обогреватель включил. А что у вас?
- Не знаю, – произнесла Света. – Белиберда какая-то.
- А ну-ка дай, – Маша взяла тетрадь и начала читать: – «Тисэ, мысы, кот на крысэ!»
- Наверное, «Тише, мыши, кот на крыше», – предположила одна из рыженьких и засмеялась.
- Зашумите – он услышит, – сказал Паровоз и раздавил злополучную тарелку.

* * *

Семен Курагин не любил ночные дежурства. Он считал, что человек должен выполнять свои естественные потребности в отведенные для этого часы. Борщ есть в обед, запеканку – на ужин, а спать ночью. Вот так он был устроен. Что ему мешало сменить работу? Да все! В их захудалом городке ОАО «ГорЭлектросети» было самой престижной организацией с выплатой премий, «белой» приличной зарплатой, ежегодным отпуском, оплатой больничного листа. В общем, со всеми благами, оставшимися с советских времен. Нет, можно было, конечно, попроситься и в монтажную бригаду, но пятидневка, проведенная под снегом и дождем, заставляла его отказаться от этой затеи. Его восемь ночных смен в месяц были немного лучше – он был в тепле, перед ним стоял термос с кофе и телевизор с какой-то мурой о политике. Участок, на котором дежурил Курагин, – это десять пятиэтажных домов, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Ну и, что особенно радовало, от места пребывания дежурного электрика. В ночное время вызовы были редки, но случались. И поэтому, когда раздался телефонный звонок, Семен понял: это как раз тот редкий случай.

– Да! – Голос выдавал недовольство.

Он терпеливо выслушал говорившего, произнес едва разборчивое «щас бу» и положил трубку. Общежитие, в котором ему предстояло попотеть, находилось через дорогу от ЖЭУ. Хоть это грело. На этом радости, пожалуй, и закончатся. Семен Курагин был, что называется, электриком от бога, но, несмотря на это, он не любил работать в потемках. Шахтерский фонарик на лбу – это, конечно, здорово, но Семен почему-то очень нервничал и потел. Так что выражение «попотеть» все-таки относилось к нему в буквальном смысле.

На пороге его встретила комендант и какой-то пьяный мужик.

– Ну, че, командир, скоро свет дашь? – спросил мужчина.

Семен остановился и посмотрел на весельчака:

– Может, я для начала войду?

– Об чем базар, командир? – Мужик развел руками, мол, добро пожаловать, и отошел в сторону.

– Изолируйте его от меня, – произнес Курагин, проходя мимо коменданта.

Он не был уверен, что женщина услышала, поэтому нагнулся и сказал громче:

– Мне не нужна помощь. Мне нужна тишина.

Комендантша, все так же глупо улыбаясь, взяла под локоть пьяного мужчину и повела в сторону своего кабинета.

– Тишина ему нужна. Тоже мне, настройщик пианинов, – проворчала она и скрылась за дверью с табличкой «Комендант».

Курагин улыбнулся. Все-таки что-то забавное было в сегодняшнем вызове. Но реплика коменданта общежития была последней хорошей новостью.

Семен был уверен, что выбило вводной автомат. В это время года так бывает. Включит какой-нибудь умелец обогреватель собственного производства, вот и не выдерживает старенькая коммутационная аппаратура. Дело-то пустячное – включил, и всё. Но только этот «кулибин» может же и не понять тонкого намека и продолжит греться у своего «козла». Недолго, зато тепло. У Семена жопа взмылится, пока он будет сюда бегать и включать автомат.

Уверенность его сошла на нет, когда он увидел, что все включено и, по сути, работоспособно. То есть три фазы приходили и три уходили. Кабель шел на соседнюю стену к щитку большего размера. Там тоже было все нормально. Такое Семен видел впервые. На каждое крыло этажа стояло по одному автомату, и от них отходил ток. Не может быть! Он еще раз одним щупом мультиметра дотронулся до нулевой шины, а вторым – до выхода автомата. И тут весь мир вспыхнул. Невидимая рука отбросила Семена к противоположной стене. И только когда он, парализованный страхом и болью, сползал по стене, услышал электрический треск. Перед тем как потерять сознание, Курагин увидел искрящийся силуэт человека.

* * *

Вася обнял Соню и поцеловал в щечку. Паровоз округлил глаза:

– Это че щас было?

– Паровозик, это любовь. – К Володе подошла Тоня и подставила щечку для поцелуя.

– Любовь, девочка моя, для сопливых пацанов. – Паровоз обнял подругу за талию. – А нам, суровым мужчинам, нужен только секс. – Он опустил руку на ягодицы девушке и засмеялся.

– Ну, секс так секс, – улыбнулась Тоня и сама поцеловала «сурового мужика».

Они разошлись по комнатам. В ту, где за ним «подглядывал» светильник, Паровоз идти отказался. Он и Тоня расположились на диване в гостиной. Разговор с Пушкиным (черт, кому рассказать – не поверят) слегка потрепал нервы, да и от хмеля не осталось и следа. О выпитом напоминал разве что мерзкий привкус во рту. Но Володя по дороге к Ваське набрал себе коктейлей.

Тоня ползала по нему, извиваясь, словно змея. Паровоз лежал на диване, попивал «Ягуар» и думал о прошедшем сеансе. Надо признать, в подобного рода мероприятия, точнее в правдивость этих самых мероприятий, он не верил. «Вызываю Пушкина», «дух, приходи», «дух, уходи» и бла-бла, бла-бла, бла-бла. Все это чушь, бред и развод для слепых. Нет, Володю, конечно, впечатлил ответ: «Он плачет по ночам». Впечатлил, но не больше. Это могло быть обычной гребаной утечкой информации. Кто-то мог подсмотреть, кому-то сказать, приукрасить, и, в конце концов, это могло дойти до Маши и ее ловких пальчиков, которыми она подгоняла тарелку к буквам. Молодец! Опозорила его, как только могла.

«Да и черт с ним! Ты не агент 007, и утечка информации подобного рода не может тебя рассекретить перед спецслужбами других стран. А насчет «опозорила» – тут грех жаловаться. Позор – это для тех, у кого есть совесть. Свою ты утопил вот в этой самой жестяной банке».

Совесть, конечно, у него была, но она, как и ее хозяин, дремала в пьяном сне где-то на задворках его сознания. Так что опозориться он не мог в принципе. Паровоз глотнул еще алкоголя. Тоня пыталась поднять его «дружка», но мысли Тутуева были все еще там, в комнате, подсвеченной десятком огоньков свечей. Все хорошо, как говорится, обман не раскрыт. Маша так натурально округляла глаза, так ловко пихала тарелку по ватману, что даже Паровоз начал верить в вызов духов. Но он знал, что это все неправда, все святочное веселье. Единственный момент заставил его усомниться в своей уверенности. Он и сейчас не давал ему покоя. Тарелка сама подбиралась к буквам, когда они все стояли у двери.

«Тисэ, мысы, кот на крысэ...»

Охренеть. Будто с ними разговаривал шепелявый человек. Паровоз еще не знал, как это происходило (магнит какой-нибудь или еще что), но в появление шепелявого призрака он не верил. Этот момент поразил его, но это всего лишь загадка, которую можно разгадать. Станет ли он это делать? Володя посмотрел на рыжую голову,двигающуюся вверх-вниз у его ширинки. Нет, пожалуй, загадки могут и подождать. Он смял пустую банку и отбросил в сторону. Сосредоточил свое внимание на Тониных потугах все-таки получить сегодня удовольствие. Через минуту девушка, причмокивая, облизывала уже затвердевшую плоть Паровоза. Володя застыл.

* * *

Стас помог Маше убраться. Свет включили, как только Колтун и Монов уединились в соседней комнате.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Стас и затушил свечу напротив себя.

– Ты о чем? – не поняла Маша.

– Ну, вообще, обо всем этом, – Стас развел руками.

Маша подошла и села за стол.

– Мне страшно, – сказала она так, будто пожелала ему спокойной ночи.

Стас ждал.

– Мне кажется, что нам всем... кто здесь сегодня был... грозит опасность.

– Да ну брось, – не выдержал Стас. – Это же Пушкин! Он что, нас на дуэль вызовет?

Всех сразу или по одному?

– Дурак ты, Стас. – Маша встала.

Стас схватил ее за руку:

– Ну, прости, Машунь. Просто мне кажется, что дух поэта не способен навредить...

– Кто тебе сказал, что это был Пушкин? – Маша улыбнулась и снова села. – К нам залетел дух, который был ближе всех.

– Но почему он откликался на...

– Духи любят пошутить... так мне сказали.

– Ну, вот видишь! – подхватил Стас. – Это все равно что ждать опасности от Куклачева.

– Да, наверное, – Маша попыталась улыбнуться. – Но меня все равно пугает.

– «Тисэ, мысы, кот на крысэ»? Как это может напугать?

– Я еще не знаю, но... Что-то зловещее в этом... Как будто считалка из какого-нибудь фильма ужасов.

– Ну, какая это считалка?! Тише, мыши, кот на крыше. Зашумите, он услышит... Это скорее...

Вдруг он представил себе уже немолодого человека с безумными глазами и мокрыми губами, произносящего эту самую фразу. Жутко. Ему стало страшно. Маша увидела реакцию парня и как-то смиренно кивнула:

– Вот и я об этом.

– Да нет, ты не поняла! – Стас подсел ближе. – Маш, а хочешь, я побуду с тобой до приезда родителей?

Она вдруг улыбнулась и положила ему голову на плечо. Ох, как он хотел, чтобы это продлилось вечно! Но она тут же отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Стасик, ты такой хороший. Ты самый лучший друг. – Маша поцеловала его и встала. – Со мной Светка побудет. Спасибо, Стасик.

Светка побудет? Чертова сучка! Стас ненавидел эту потаскушку, прыгающую по койкам. Светка занималась сексом с кем угодно, когда угодно и где угодно. Будто в подтверждение его мыслям, Колтун вскрикнула за стеной. Она трахалась с каким-то спортивным рвением, будто шла на рекорд. Стас ненавидел ее за это. За это, да не за это. Он был влюблен в шлюшку. С первого класса влюблен. В седьмом классе Стас решился и пригласил белокурую девчонку (тогда она вряд ли занималась «спортом») в кино. Она рассмеялась ему в лицо, при всех обозвала уродом и поставила жирный крест на его любви. Превратив это прекрасное чувство в ненависть, которая сегодня поднялась еще на одну шкалу. Побудет она с ней... Маша ее и не увидит. Провизжит в спальне все сутки, сука!

– Ладно, тогда я пойду? – Стас встал.

– Ага.

Стасик остановился у двери.

– А что ты думаешь о том, что Паровоз по ночам плачет? – Стас напоследок решил хоть чем-то расстроить любовь Маши к этому животному.

– Все мы плачем, – проговорила Маша. – Особенно по ночам.

Глава 3

Володе снилась мама. Вернее, ему снилась вся их счастливая семья. Мама, отец, Аленька, бабушка и он. Они пришли в зоопарк, приехавший к ним на неделю. Этот сон скорее был воспоминанием пережитых событий. Володя знал наперед, что произойдет дальше. Сейчас они подойдут к фотографу, и мама попросит его сделать снимок с чучелом медведя. Иногда, когда Вова вспоминал тот самый момент, он думал, что медведь жил когда-то в одной из клеток передвижного зоопарка, а потом умер (от старости или болезни), и из него предприимчивые люди сделали предмет для развлечения. Чтобы не пропасть добру.

Мама с улыбкой помахала им. Бабушка взяла за руки Алену и Вову и подвела к медведю. Все шло, как и тогда. Все улыбались, даже смесь запахов звериного дерьма и сладкой ваты не мешала радоваться. Когда что-то пошло не так? Володя не знал. Наверное, когда папа куда-то ушел. Вова не был уверен, но... Он во сне понял, что их ждет какая-то беда. Запах экскрементов усилился, люди стали какими-то призрачными, а медведь будто ожил. Нет, он все еще стоял неподвижно, но Володе казалось, что тварь замерла перед броском. Чудовище, пахнущее нафталином, ждало, когда мальчик Вова отвернется, чтобы наброситься на него.

– Вова, я боюсь, – прошептала Алена и прижалась к брату.

Володя все-таки отвел взгляд от мохнатого монстра. Мама и бабушка исчезли (может, ушли за отцом?), а призрачные прохожие уставились на них, будто это Вова и Алена были питомцами зоопарка. Продавщица сладкой ваты протягивала им по палочке с... Вместо волокон сахарной пудры на палочках каким-то образом висел конский навоз. Алена закричала.

– Тисэ, мысы! – прошипел кто-то за спиной парня. – Кот на крысэ!

Володя увидел лысого крепкого мужчину в спецодежде, направляющегося к ним.

– Засумите – он услысит. – Незнакомец коснулся указательным пальцем полных влажных губ и улыбнулся.

Когда лысый мужчина начал меняться, Володя проснулся. Последним, что увидел Паровоз, был оскалившийся медведь с объективами фотоаппаратов вместо глаз.

Володя встал. Тоня что-то прошептала и перевернулась на другой бок. Одеяло задралось, обнажив ее аппетитные ягодички. Паровоз прошел в кухню, достал банку «яги» из холодильника, открыл и сделал три жадных глотка. Сон тяжелым грузом давил на сознание, но еще пара глотков «Ягуара» облегчила эту ношу. Проходя мимо спальни, где кувыркались Вася и Соня, Паровоз услышал музыку. Он бесцеремонно открыл дверь и вошел.

– А, Паровозик, заходи, – улыбнулся Вася.

Володя сел рядом с хозяином квартиры и уставился на танцующую Соню.

– Че у вас тут? – спросил он и криво усмехнулся.

– Стриптиз, – ответил Василий и уже шепотом добавил: – Слышь, Паровоз, давай меняться.

Вова вопросительно поднял бровь, но по наглой улыбке приятеля все понял.

– Иди, – разрешил он.

Вася ушел, а Соня изгибалась под какую-то медленную композицию. Когда лифчик упал на ширинку Паровозу, он почувствовал возбуждение. Кошмар начал затуманиваться, а когда Соня нагнулась, показав Володе округлый зад во всей красе, медведь, лысый мужик и дерьмо на палочке были забыты.

Девушка уже была обнажена, но в кровать не спешила, да и Паровоз ее не торопил, несмотря на возбуждение, бьющееся в паху. Соня схватила гирлянду, оставшуюся с Нового года, и начала выплясывать с ней, то надевая ее на плечи, словно шаль, то проводя ею между ног. Мелодия уже сменилась, но неугомонная Сонечка продолжала танец. Он не видел, когда она успела включить гирлянду, но новогоднее украшение начало подмигивать в такт музыке.

Тоня стонала за стеной – Васька старался. Володя улыбнулся, и только когда с губ стриптизерши-самоучки слетел стон боли, он обратил внимание на то, что танец немного странный. Девушку будто трясло от холода. Паровоз вскочил с кровати.

– Что с тобой?

Соня продолжала, выпучив глаза, трястись. Володя подошел к ней и взял за плечо. В глазах вспыхнуло, и Паровоз отлетел назад. Перед тем как потерять сознание, он увидел рядом с Соней лысого мужика из своего сна. Только теперь незнакомец состоял не из плоти и крови, а из миллиона маленьких молний и искр.

* * *

Ольге стало скучно. Причем СКУЧНО большими буквами. Болван, возомнивший себя ее мужем, хозяином и еще черт знает кем, постоянно был рядом и все время ревновал, ревновал, ревновал... Как он надоел, черт бы его побрал! Стояла ли она с мальчишками – ревность, с преподавателями – ревность, с девочками... А, вы о пацанах разговариваете! Причем он не спрашивал. Отелло утверждал. На-до-е-ло! А ведь ничего и не было.

Была ли так свята Оля? Даже если и нет, что с того? Ей очень нравился Вячеслав Андреевич – физрук. Возможно, и физрук, и Юрка догадывались о симпатиях Ольги. Тогда поведение последнего понятно, а вот Вячеслав был холоден, как и со всеми своими учениками, а может, даже и больше. Это очень обижало Шевченко, но она знала, что у нее есть Юра Кулешов. Болван, конечно, но ее. Так было до вчерашнего дня. Пока она не сказала себе: хватит. Уж лучше, как Светка Колтун, быть в постоянном поиске, чем жить, как ее мать. Работа, дом, семья. Причем, в каком порядке ни ставь эти понятия, веселее не станет. Скукогища. По мнению Оли, вся ее жизнь потихоньку скатывалась к яме под названием «быт». И Кулешов упорно ее туда толкал.

Шевченко была очень спокойной девушкой, но если ее зацепить... Она хотела мирно расстаться с Юркой, но, как Оля поняла уже через пять минут, этого хотела только она. Юрка уговаривал ее не бросать его, потом угрожал, умолял и снова угрожал. Оля устала. Ску-ко-ти-ща! И тогда она выложила, выплеснула помой, заготовленные специально для такого случая. Олю было не остановить. Она назвала его ничтожеством, призналась в любви к физруку и, самое главное, сказала, что занималась с ним сексом из жалости. И все! Она не знала, надолго ли, но сразу же после этих слов Юрка ушел.

Ольга пыталась переосмыслить свои слова, особенно последнее предложение. Все так, все верно она сказала – и сейчас готова подписаться под каждым своим словом, кроме одной поправочки. Оля занималась с ним сексом из жалости к себе. К себе, любимой, черт возьми! Она боялась остаться без парня. И именно сейчас, чтобы не остаться, как говорится, «с носом», она решила играть по проверенному сценарию Светки Колтун.

«Ничего у тебя не выйдет, дуреха, – подумала Оля. – И все потому, что ты не Светка – раз и много думаешь – два. А время-то идет. Пока ты тут рассуждаешь о правильности принятого решения, Светка стонет в чьих-нибудь объятиях, при этом отключив мозг».

Оля посмотрела на электронные часы. 04:12. Ей совсем не хотелось спать. Она встала, прошла к шкафу и достала пояс Sauna Belt. Она надевала его три раза в сутки, потому что считала себя недостаточно стройной.

Ольга не знала, помогает ли пояс убрать лишнее с боков, но использование его приносило удовлетворение и уверенность в себе. К черту излишки! Да здравствует Sauna Belt! Оля надела пояс, включила в розетку и поставила регулятор температуры на максимум. Все, как в инструкции прописано. Вообще, что касалось этого пояса, за три месяца использования Оля все делала на автомате. Кроме одного. В инструкции был один пунктик, в котором говорилось об использовании прибора исключительно в положении стоя. Оля никак не могла согласиться

с этим пунктом и поначалу включала пояс, лежа на спине, а потом, не увидев никакой опасности, и сидя.

Когда начало припекать, Оля убавила температуру и снова погрузилась в раздумья. Потрогала пояс. Все-таки она переживала, что на сгибах могли появиться трещины, а уже через них произойти утечка электричества. Может, и несильная, но для нее, вспотевшей, будет достаточно... Нет, все цело.

«Интересно, что сейчас делает Юрка? – задала сама себе вопрос Оля. – Уж точно не в поясе сидит! Спит твой Юрка. Что ему делается?»

В коридоре включился свет. Предки бегают. Кто-то прошлепал к санузелу. Звуки доходили до нее четко и настырно, будто кто-то хотел ей сказать: вот, мол, ты не одна живешь, здесь есть еще кто-то. Перестань думать о себе и об этом ничтожестве. Неужели тебе подумать больше не о ком? Подумай о матери, которая завтра опять будет думать, купить ей печенья к чаю или отнести в ремонт сапоги. Подумай об отце, который с утра пойдет «на биржу», а вечером придет уставший, но счастливый, потому что ему пообещают работу с приличным заработком. Это все быт, черт бы его побрал! Но тогда подумай о Светке Колтун. Почему она не задумывается ни о чем в жизни? Не потому ли, что у нее папаша начальник СБ сети супермаркетов? А может, потому, что ее мать главврач городской поликлиники? Она ни о чем не задумывается, потому что у нее есть все. И печенье к чаю, и сапоги (и не из ремонта, а из московских бутиков), и парни. Оле даже казалось, захоти этого Света, то и любой препод будет ее. Хоть физрук, хоть Мегавольт.

Оля улыбнулась, вспомнив шаркающую походку преподавателя физики. Она посмотрела на часы. В одном из пунктов инструкции говорилось о времени использования пояса. Не более тридцати минут. На часах было 03:54. Шевченко округлила глаза, не понимая, что происходит. Она была уверена, что, когда садилась с поясом, было начало пятого. А может, четвертого? Ну, тогда ты пересидела, девочка. Смотри, так от тебя ничего не останется.

Она потянула застежку-липучку и тут же отдернула руку. Оле показалось, что ее ударило током. Сердце бешено колотилось в груди. Она снова задрала сорочку. Осмотрела ту часть пояса, где, по ее мнению, могла быть трещина или царапина. Там ничего не было. Ольга решила не рисковать. Медленно слезла с кровати и выдернула шнур из розетки. Сдернула пояс и бросила его на пол.

Когда она снова посмотрела на часы, на них было 03:49. Чудеса, да и только. Оля подошла к часам и взяла их в руки. 03:48. Она вздрогнула. Ее пугал собственный будильник. Он, будто таймер часовой бомбы, отсчитывал время до взрыва. Или чего-то плохого, жуткого. Она осторожно поставила часы на стол. 03:47. Что-то ей подсказывало, что до 00:00 не четыре часа без тринадцати минут, а три часа сорок... вот уже сорок шесть секунд. Но она ошиблась. Цифры побежали, понеслись. Ольга отступала, пока не упала на кровать.

Когда на циферблате появились злополучные нули, время замерло. Причем это было заметно не только на часах, но и в комнате. Оля ждала (взрыва?) чего-то плохого.

Вдруг цифры моргнули. Потом светодиоды начали поочередно тухнуть и зажигаться, имитируя бегущие огоньки. У Оли закружилась голова, она зажмурилась и отвернулась. Когда она посмотрела на часы вновь, циферблат светился. Оля не сразу поняла, что на нем не цифры, а буквы. Шевченко встала, но подойти не решилась. Всмотрелась и прочитала:

– Тисэ.

Как только она произнесла это слово вслух, оно сменилось.

«Кот».

«Шуда».

«Шпес...»

Оля не могла понять, что это за белиберда. Она прошептала увиденные слова:

– Тисэ, кот, шуда, шпес...

На циферблате тем временем появилось:

«Ыт!»

– Тисэ, кот шуда шпесыт, – прошептала девушка.

– Тише, кот сюда спешит! – громко произнесла она, когда на часах было 05:02.

* * *

Павел пришел домой под утро. Пока успокоили этого малахольного, то да се... Ну, конечно же, выпили. Отец должен был вернуться с минуты на минуту, а у Пашки выхлоп изо рта, как из пивной бочки. Надо искупаться и лечь спать. Может, пронесет... Не пронесло. Отец Пашки, Семен Курагин, не пил вообще, но с ним явно что-то было не то. Он ходил по квартире в обуви, что-то шептал себе под нос, натыкался на предметы, громко ругался и снова начинал бродить по комнатам.

– Надели Пасе галосы и гамасы, – вдруг отчетливо произнес отец и пошел в сторону сына.

Пашка вовремя среагировал и за секунду до того, как в его подушку воткнулось жало огромной отвертки, вскочил с кровати. Хмель улетучился, и запах перегара его уже не волновал. Паша метался по комнате, уклоняясь от выпадов родителя.

– Что с тобой, отец?!

– Сла Шаса по сошше, – произнес Семен, будто это как-то объясняло его поведение, и ударил отверткой еще раз.

Паша увернулся, и оружие с хрустом вошло в дверное полотно. Парень не стал мешкать – оттолкнул отца, открыл дверь и выбежал из комнаты. В квартире оставаться было нельзя. Что бы ни случилось с отцом (сошел с ума, накурился или напился), в одном помещении с ним находиться нельзя. Паша подбежал к входной двери, обулся, схватил куртку. Ему оставалось сделать еще один шаг, когда отвертка вошла в его правую руку чуть выше локтя. Боль пронзила всю руку. Паша взглянул на родителя, и ему показалось, что по телу отца прошла голубоватая электрическая волна, будто он наэлектризовался. Парень развернулся и выбежал из квартиры.

Как только закрылась дверь, тело Семена Курагина дернулось, и он упал. Отвертка отлетела к полке для обуви. Семен содрогнулся, по всему телу побежали электрические волны – они искали выхода. Рука Курагина вытянулась вперед и коснулась розетки, проведенной специально для бритвы и фена. Голубые волны начали сбегаться к кисти руки и, собравшись в сгусток энергии, рванули к розетке. Розетка заискрила, сопротивляясь вторжению незваного гостя, но потом все же приняла, выпустив тоненькую струйку дыма. Семен еще раз дернулся и затих.

* * *

– У Масы на кармаске маки и ромаски, – произнесло чудовище и бросилось на Машу.

Стрельцова вскрикнула и проснулась. Кошмары ей не снились уже лет пять. Может, конечно, и снились, но она их не помнила. Этот же сон был таким ярким, что девушке даже казалось, будто она попала в какой-то жуткий мир и в нем происходит все по-настоящему. Машу могут сожрать. Она посмотрела на часы над компьютерным столом и встала. Было десять минут десятого. Она проспала четыре часа, но чувствовала себя выспавшейся. Только ночной кошмар оставил тяжелый след.

Во сне она попала в какое-то здание. Большое строение. Скорее всего, двухэтажное. Оно напоминало Дом культуры или деревенский клуб. Дверные проемы были настолько низкими, что даже Маше с ее ростом метр шестьдесят восемь приходилось нагибаться. Первые две комнаты, в которые ей удалось заглянуть, не представляли из себя ничего необычного, а вот третья

удивила девушку по-настоящему. Маша остановилась на пороге и буквально открыла рот. Все стены пестрели надписями. Девушка подошла к одной и прочитала ее:

– Сэпчет коске петусок: видис пысный гребесок? Сепчет коска петуску: саг сагнес – и откусу!

У Маши по спине поползли мурашки даже сейчас от одного только воспоминания. Она подошла к другой надписи:

– Шало было, штало мыло.

Она не поняла, о чем это, но перешла к другой надписи. И тут появился монстр. Теперь она даже не помнила, как он выглядел, но страх еще был в ее сердце. Маша знала, что скоро забудет эту муть. По крайней мере, ей очень хотелось в это верить. Сон не выходил из головы до тех пор, пока не позвонила Светка. Еще четыре часа назад подруга верещала за стеной. Маше надоел ее визг, и она солгала, что позвонили предки и предупредили ее, что собираются вернуться. Светка Колтун собралась, взяла под мышку свое «сокровище» и уехала к двоюродному брату.

Сейчас она, возбужденная, что-то тараторила в трубку. Маша ничего не поняла из сказанного подругой, поэтому перебила:

– Свет, давай встретимся в «Альбатросе». Там и поговорим. Давай через час.

Она нажала отбой, не дав подруге возразить.

Маша знала, что кошмар скорее всего вылился из паршивого гадания. Воистину, не умеешь – не берись. А ее ведь предупреждали. Последнее высказывание призрака «Тисэ, мысы...» было одним из написанных на стене заброшенного дома в ее сне. Там она его не видела, но была уверена, что оно было среди многочисленных «Мас, Мис, косэк и мысэк». Что-то было в этом знакомое. Она где-то уже слышала подобное... Нет, уже не вспомнить.

Маша вошла в ванную. Включила воду и посмотрела в зеркало на свое отражение. На мгновение ей показалось, что она видит перед собой маленькую веснушчатую девочку с русыми косичками. Девочка будто смотрела на нее через призрачное окно из прошлого. Нехорошего прошлого. Сначала девочка стояла, как и Маша, в ванной комнате, но потом стены за спиной девочки начали меняться, и Стрельцова увидела комнату из своего кошмара. Тысячи букв покрывали выгоревшие обои. Маша с ужасом осмотрелась – может, и она вернулась в кошмар. Но нет, она как стояла в ванной, так и продолжала там стоять. Мария снова посмотрела на девочку в зеркале-окне и тут же вскрикнула. За девочкой стоял лысый мужчина в резиновых перчатках.

– У Масы на кармаске маки и ромаски, – произнес лысый, и ванную вместе с зеркалом поглотила тьма.

* * *

В «Альбатросе» было как никогда пустынно. Света и Маша сидели за третьим столиком слева от входа. Паша был рад, что решил прийти именно сюда. Вялые движения выдавали бессонную ночь. Только когда он уселся за столик к девушкам, до Павла начало доходить – его пытался убить родной отец.

– Привет, девчонки. – Курагин сел за столик.

– Ты как здесь? – спросила Маша.

– Да вот иду мимо, смотрю, вы сидите... – Пашка поднял руку, подзывая официантку. – Меня хотел убить отец, прикиньте, – сделал заказ, произнес он.

– Наверно, нажрался вчера? – предположила Света.

– Он не пьет уже лет десять, наверное, – Пашка виновато улыбнулся.

– Да я не о нем. Ты нажрался?

– А? Не, ну выпили с Димычем и Юрцом...

– Что? Этот придурок тоже был с вами?!
– Да не, он не пил, – попытался выгородить Паша Диму перед сестрой.
– Ну-ну, что там с отцом? – Маша взяла его за руку. Она была чем-то напугана.
– Он пришел какой-то странный. Я даже подумал, что он запил. Ходил по квартире и что-то бормотал себе под нос, а потом набросился на меня с отверткой.

Официантка принесла заказ – чашку кофе и круассаны. Пока женщина выставяла принесенное с подноса, молодые люди молчали. Потом Пашка закатил рукав и показал рану с запекшейся кровью.

– Мой старик слетел с катушек.

– Поздравляю, сынок. Твой папаша сидит на каких-то колесах, – улыбнулась Маша.

– Че?

– Через плечо. Он нашел замену алкоголю.

Они снова замолчали.

– У Маши на кармашке розы и ромашки, – вдруг произнесла Стрельцова.

Курагин подавился. Откашлялся, запил кофе и, выпучив красные глаза, спросил:

– Это что за хрень?

– Поговорка из моего сна.

Паша кивнул.

– Надели Паше галоши и гамашы, – произнес парень и снова принялся за круассаны.

– Тебе тоже снился сон? – спросила Маша. Она не знала, радоваться этому или нет. Но в глубине души она все-таки радовалась. Радовалась, что не одна попала в этот кошмар.

– Какой сон? – не понял Курагин.

– Ну, ты сейчас произнес поговорку, написанную на стене, – уже не так уверенно произнесла Стрельцова.

– На какой стене? – Света Колтун тоже заинтересовалась их разговором.

– Не важно, – обиженно проговорила Маша и отвернулась к окну. Она поняла, что ошиблась.

– Да нет же, постой, Машка, – Света потянула подругу за рукав. – Ночью мы с Сережкой немного поспали...

– Да ну! – Маша улыбнулась.

– Да не перебивай ты. – Света тоже улыбнулась. – Мне приснился какой-то лысый мужик в резиновых перчатках, как у уборщицы, и с копьём в руке.

Слово «лысый» было волшебным или, в случае Маши, колдовским. Она буквально подскочила на месте.

– И что? Он что-нибудь говорил?

– Да нет. Хотя мне показалось, что он шептал что-то типа «Тисэ, мысы, кот на крысэ...».

Ну, помнишь, что нам дух Пушкина написал.

– Это был он! – воскликнула Маша.

– Да нет же, Машенька. Что ж я, по-твоему, дура, что ли? Я видела Пушкина и знаю, что лысый из сна – совсем другой человек. – Она задумалась. – Да нет! Даже если Александра Сергеевича обрить наголо, это будет не он.

Маша едва взяла себя в руки, чтобы не закричать на подружку.

– К нам мог прийти не обязательно дух Пушкина, я же уже говори... – Она вдруг осеклась, вспомнив, что говорила об этом только Стасу.

– То есть как?

– По вызову может прилететь тот дух, который ближе всех. Может, как раз этот лысый в резиновых перчатках и оказался поблизости. И решил с нами поиграть.

– Так он что, нас обманул?

– Скорее, просто поиграл, – ответила Маша. Потом вспомнила о Пашиной истории и обратилась к нему: – Так откуда эта поговорка?

– Мой отец произнес ее, перед тем как наброситься на меня.

– Все это так странно... – Маша задумалась. Она никому не рассказала о видении в ванной. Это самое видение очень напугало ее. Она не хотела возвращаться домой. – Я думаю, что призрак все еще рядом с нами.

Паша ощутил холодок, пробежавший меж лопаток. Он буквально чувствовал, что за ними наблюдают. Курагин медленно обернулся. В зале было пусто. Необычно для этого времени суток. Очень необычно. Он собирался повернуться назад, когда светильник в центре соседнего столика зажегся и потух. Потом светильник подмигнул и на другом столике, на третьем, четвертом. Вскоре шары на столах моргали во всем зале.

– Вы видели? – спросил Паша, когда все закончилось.

– Это все он, – произнесла Маша. – Нам надо поговорить с ним.

– С кем? С Пушкиным? – Света, округлив глаза, все еще смотрела на светильники.

Когда Маша закричала на нее, шар на столике у барной стойки взорвался. Шары взрывались один за другим, приближаясь к столику, за которым сидели ребята. Паша схватил девушек под локти и быстро вывел из кафе. Шар на их столике так и не взорвался. Он зажегся.

* * *

Василий Звягин устал. Невыспавшийся, все еще подшофе, он шел на работу. Три часа, проведенные в ментовке, утомили Васюку больше всего. Кто бы мог подумать, что... Он даже сформулировать произошедшее в его квартире не мог своими словами. Только повторял сухое протокольное:

– Владимир Тутуев, находясь в нетрезвом состоянии, под угрозой расправы заставил свою подругу Софью Масюк раздеться и намотать на себя гирлянду, предварительно сняв с нее изоляцию. Когда девушка надела на себя гирлянду, Тутуев включил ее в сеть. Масюк скончалась от поражения электрическим током.

Сухо и грозно, как приговор. Васюка не понимал одного: каким образом это все докатилось до смерти. Допустим, эта шлюха могла сама на себя нацепить гирлянду, чтоб она неладна была. То, что она разделась сама, даже допускать не надо. Но вот в чем беда – снять изоляцию и включить в розетку должен был кто-то другой, если, конечно, Сонька не из Клуба самоубийц. В комнате, кроме нее, был только Паровоз. Так что – виновен? Виновен, и приговор обжалованию не подлежит!

Васюка вошел через решетчатую дверь заднего входа в кафе «Альбатрос». Пока единственное, что приносило удовлетворение, – это работа мясником. В суете на кухне можно будет хоть как-то отвлечься от видения изуродованного тела Соньки.

Звягин забежал в раздевалку и столкнулся лоб в лоб с хозяином кафе.

– Вася-джан, почему опаздываешь?

Вася знал, что любой ответ вызовет бурю ругани, поэтому просто стоял и молчал.

– Сколько я раз тебе говорил, опоздаешь – уволю?

– Три раза, – едва слышно произнес Василий.

– Что?

– Вы говорили мне три раза, – спокойно пояснил Звягин.

– А-а. Короче, говорю в последний раз...

– Рубен Арамович! – услышали они крик Жанны. – Там снова. – Официантка выглядела напуганной.

Погосян побежал в зал. Жанна дернулась за ним следом, но ее остановил Звягин:

– Что случилось?

- В зале светильники повзрывались.
- Почему ты сказала: там снова?
- Вчера вечером взорвался один. – Жанна повернулась к парню лицом: – Людку и Руслана осколками порезало и, по-моему, какого-то клиента зацепило.

Васька и сам заметил – где он, там проблемы. Причем его мало беспокоило, что эти проблемы как-то касались окружающих его людей. Он знал одно, что ему хреново. Какой-то шлейф неудач тянулся за ним. Особенно ощутимо это стало в прошлом году. В августе прошлого года ушла жена. Горе, не горе – так, пустячок. Поженились они, когда им было по двадцать лет, и прожили вместе три года. Детей бог не дал... К чертям! Не дал! Его любимая женушка не могла забеременеть, а виноват в этом был бог. Почему его сумасбродная теща все время вмешивалась в их дела? У них так всегда. Если виноват в чем-то Васька, то он и оставался виноватым. Как чего-то не могла ее доченька, так непременно «бог не дал». В общем, теща сволочь, жена бывшая... Все, как и должно быть у неудачника.

В августе развод, в сентябре попадание в такие «жернова», что голова до сих пор побаливает. По пьяному делу нарвался и получил. По заслугам или нет – другой вопрос, но «пресанули» его тогда от души, к ноябрю еле оклемался. Потом были допросы по вдруг всплывшему давнишнему делу. Он года три назад в магазине грузчиком работал. Всплыла недостача, по которой вроде бы даже уже кого-то наказали. Оказалось, нет. Управляющая все свалила на бригаду подсобных рабочих. И вот весь ноябрь, да и почти весь декабрь менты мурыжили бывшего грузчика. К Новому году отстали с поправочкой: мы не прощаемся. Это могло значить и то, что они не закончили, а могло быть и производной от фразы, произнесенной Железным Феликсом: «Если вы еще не сидите, то это не ваша заслуга, а наша недоработка». Как в воду, суки, глядели!

Следак, допрашивающий Ваську по «делу грузчиков», даже подпрыгнул, когда увидел Звягина в коридоре.

– Ну что, Звягин, не хочешь жить честно? – с ехидной улыбкой спросил Вершков. Кажется, так он представлялся при первой их встрече.

– Это не я, – как-то по-детски ответил Вася, будто его застукали за поеданием без спроса клубничного варенья.

– Все вы так говорите, – потешался Вершков. – Ну, не ты так не ты, – произнес следователь и ушел.

Еще через час Звягина и Тоньку отпустили. А вот Паровозика, похоже, поставили в «отстойник».

Теперь Васька стоял на своей долбаной работе и думал, из-за него взорвались шары светильников или нет.

* * *

Стас проснулся около пяти вечера. Прошел в туалет, помочился, потом попил воды на кухне и уже собирался снова лечь спать, когда раздался телефонный звонок.

– Алле... – протянул Станислав в трубку.

– Привет, Стасик.

Неужели она решила отказаться от идеи обуздать Паровоза?

– Стасик, ты не видел Володьку?

«Ну, слава богу! А я уж подумал, что все, пришло счастье и в мой дом».

– Нет, Машенька. Я вообще-то сплю.

– Ой, Стас, извини.

– Ты где? – спросил парень.

– У Светки. Я звоню, звоню ему...

– Я сейчас буду, – сказал Стас и положил трубку.

Этот шанс нельзя не использовать. Стас поставил чайник и пошел в ванную. Включил горячую воду, добавил холодной и закрыл слив пробкой.

Как только парень вышел из ванной, на запотевшем зеркале начали появляться буквы:
У Шташа погаш газ – газ у Шташа погаш.

Стас прошелся к окну, напевая какую-то мелодию, когда учуял запах газа. Он заглянул под чайник. Так и есть – огонь потух. Стас нажал кнопку поджига, но пламя не зажглось. Черт! А как хотелось кофе... Он посмотрел на холодильник. Там, позабытый всеми, стоял электрический чайник. Стас улыбнулся и достал его.

«Я все-таки попью сегодня кофе».

Налив воды, Станислав поставил чайник и нажал кнопку. Вода, нагреваемая спиралью, зашумела. Любимов прошелся по квартире, все думая о своем везении. Паровоз пропал – раз, Маша просит помочь – два...

– Ну и я сегодня наконец-то попью кофе, – услышав, как выключился чайник, произнес Стас.

Он вернулся в кухню, достал кружку с надписью «Станислав». Подарок Маши. В шестом классе она подарила ему ее, а та до сих пор как новая. Положил две ложки сахара и полложки кофе. Когда он открыл холодильник, чтобы достать молоко, чайник снова включился. Стас закрыл дверь холодильника и снова открыл, будто это как-то могло повлиять на включение-выключение чайника. Вода в чайнике продолжала шуметь.

«Черт! Вода!»

Любимов забежал в ванную комнату и быстро закрыл краны. Выглянул на кухню. Вода в чайнике забурлила. Стас кивнул и начал раздеваться. Услышав шелчок, он снова кивнул и полез в воду.

Стас не любил принимать ванну. Ему это всегда казалось бесполезной тратой воды и времени. Нет, он, конечно, мылся, но исключительно под душем. Это и быстро, и не менее эффективно. Но сегодня он хотел подумать. Предстоящий день рождения обязывал обдумать все. Предки предоставляют им для празднования семнадцатилетия сына их жилплощадь и полную свободу, то есть они собирались куда-то слинять. Стас улыбнулся и закрыл глаза. Образ Маши все время был перед ним, пока он не понял, что засыпает.

«Ничего, сейчас кофе выпью и все будет ОК».

Но он так ничего не выпил.

Уже когда Стас вытирался, то услышал, что чайник снова включился. Черт бы его побрал! Через секунду закипел и снова выключился. Любимов сплюнул, оделся и вышел из ванной. Хотел выдернуть провод из розетки. Его остановило искрящее основание. Чайник от усилий угодить хозяину лопнул, и кипяток теперь заливал стол и подставку, куда и подходило питание. Стас не только слышал треск, но и видел искры. Трогать прибор было опасно, но и оставлять этого так нельзя. Первой мыслью было позвонить кому-нибудь из предков и переложить эту головную боль на них. Но Стас тут же отменил эту идею. Им дай только повод, и тогда они завтра не только останутся здесь, но еще и за стол усядутся вместе с ними. «Нет. Я уж как-нибудь сам», – подумал Любимов и вышел на лестничную клетку, чтобы отключить автомат. Однажды он видел, как отец обесточивал квартиру, чтобы повесить люстру.

Открыв щиток, Любимов долго смотрел на автоматы и счетчик. Понятно, что надо выключать то, что можно выключить, то есть у чего есть кнопка или рычажок. Но ему было страшно. Несмотря на свою невидимость, электрический ток нес колоссальную опасность. Пусть Стас это знал из школьного курса и опытов Мегавольта, тем не менее осторожность не помешала бы. Он протянул руку и тут же прижал ее к груди. Потом, выругав себя за нецелесообразную трату времени, закрыл глаза и опустил рычажок автомата, под которым было выве-

дено красным маркером «ВВОД». Ничего страшного не произошло. Он медленно, не поворачиваясь к щитку спиной, зашел в квартиру и направился в кухню. Выдернул шнур, взял чайник и положил его в раковину.

«Если б я знал, что попить кофе такая проблема, то напился бы воды из крана... Ладно, надо идти к Светке Колтун. А то Маша, чего доброго, решит отправиться на поиски Паровоза». Ему ничего не могло помешать встретиться с Машей.

Когда он вышел из квартиры, автоматический выключатель в электрощитке включился сам.

* * *

Погосян бегал по кухне как ошпаренный и орал о каких-то конкурентах. Вася делал отбивные, поэтому прислушиваться было некогда. Рубен забежал в мясной отдел и встал в дверях. Звягин чувствовал его взгляд на спине.

– Что? – не поворачиваясь к Погосяну, спросил он.

– Вася-джан, ты кур разгрузил?

Чувствовалось, Рубен Арамович ищет повод, чтобы кого-нибудь растерзать.

– Этот тухляк?

Но Вася не был бы Васей, если бы не давал повода.

– Ты, что санпенстанция?!

– Вообще-то, санэпидемстанция. Если че.

После этих слов Звягин ожидал чего угодно. Погосян мог заставить его сожрать тухлых кур, загрузить их назад в «Газель» и снова разгрузить, а потом опять сожрать. Но он молча смотрел на Ваську. По лицу было видно – думает. Выдумывает наказание, сука.

– Умный, да? – Рубен улыбнулся. – Вчера привезли тушку. Обвалить и перемолоть на фарш.

Он вышел, все еще улыбаясь.

Что ж так не везет-то? То, что буржуй назвал тушкой, было тушей килограммов под триста. Сегодня он, конечно, может это сделать (благо мясорубка не ручная), но во вред своему и так хреновому здоровью. Но завтра этот же ехидный Рубен Арамович подойдет и закажет с сотню отбивных, зная, что вся туша ушла на фарш. Нет, Звягин не собирался так подставляться. Начать, конечно, надо, но без фанатизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.